В ПАМЯТЬ О МОЁМ ДРУГЕ ЮРИИ КАЛАЧЁВЕ

ШПРИЦ И ЯКОРЬ

(мой литературный путь)

Я впервые попал в мир литературы,
но теперь, когда всё уже кончилось,
вспоминаю об этом с ужасом!

Михаил Булгаков
(«Мастер и Маргарита»)

Почему «Шприц»? Всё очень просто. Хочу в этой работе впрыснуть сыворотку правды и доброты к своему ближнему в место, откуда растёт хвост, некоторым литературным импотентам и кастратам. Кстати, этот отросток характерен не только для собак и мартышек. У некоторых товарищей из одной уважаемой организации под литером МАССОЛИТ он опять пробивается. В предыдущей моей работе «По старине и не только…» об этом говорится, говорится и о лечении этой проблемы.

Почему «Якорь»? Якорь жизни, якорь литературный, который вобрали в себя мои друзья и знакомые, не имеющие никакого отношения ко всяким, указанным выше, хвостообразным «мартышкам». К тому же некоторые из них были моряками и с якорями умели обращаться получше других…

К эпиграфу, приведённому к данному очерку, я присоединяюсь лишь отчасти, потому что организация, изначально взращённая Алексеем Максимовичем Пешковым, он же Максим Горький, была своевременной и правильной. Эта контора была для таких как я – рабочих пацанов с интеллигентскими замашками. И поэтому я хочу поблагодарить нашего пролетарского писателя за хорошее воспитание! Не его вина, что со временем что-то пошло не так, также как и с построением коммунизма в отдельно взятой стране. Из недр союза, рождённого Горьким, вышел легион рабоче-крестьянских писателей, настоящих классиков и глыб.

Я не вижу смысла перебирать эти имена. Вместе с ними были, само собой, и представители из бывших – литературных военспецов, великих и не очень! Много чего было из того, за что сегодня очень стыдно. Много было подлости и лжи. Как мне сказал ещё в 90-х один уважаемый мною липецкий литератор и журналист, «подлей писательской среды в природе не существует». Я ему тогда не поверил, было мне 35 лет от роду, однако сейчас полностью подписываюсь под этими словами классика. Может быть, он имел в виду местную округу, доморощенную литературную тусовку. Однако, на мой взгляд, везде хватало этого добра…

Много загубленных и обнулённых душ человеческих, всех не перечислить, чтобы это сделать, не один том потребуется. Жаль мне Павла Васильева – второго Есенина или даже больше, «съеденного» некоторыми бездарями за завтраком на даче в Переделкино…

КАВБРИГАДА ПЕРЕД АТАКОЙ

Светало, нервничали кони,
Косясь, кусая удила,
И, как на холоду ладони,
Заря чуть розова была.
Кой-кто запомнил: оробелый,
В дымках недвижимый лесок
И командира кудерь белый,
От инея седой висок.
И, мерзлые поводья тронув,

Бесстрашно напрягая слух,
Как будто ждали эскадроны,
Что рядом запоет петух.
Ударило. Коней равняли.
Еще неясно было тут,
Что эти звезды над бровями,
Блистая острыми краями,
Над битвой высоко взойдут.
Ударило. Затихло. Вскоре
У горизонта раздалось.
Ударило – за сине море
От родины куда-то вкось.
В протяжных, яростных полетах
Мир колыхнулся, замелькал.
Есть среди пушек толсторотых
Певцы, достойные похвал!
В рядах сказали: "Наши!" Где-то
Просвистнула и стихла плеть.
Дал горизонт два-три ответа,
И замолчал, и начал петь.
И небо в громе и обвалах
Тряслось, сужая полукруг.
И было что-то в интервалах
Спокойное, как смерти вдруг.

Но издалече, издалёка
Означилось сквозь мертвый гром,
Грустя и воздух вбрав глубоко,
Пошло "ура-а", крестясь штыком.
Нахлынувшее, человечье,
Отчаянное!.. Как гора,
Оно ползло врагу на плечи
И перекатывалось – "ура".
И вспомнили: оно недаром –
Пятнадцатый стрелковый полк,
Бинтуя раны комиссару,
С багровым знаменем пошел.
Махнула смертная прохлада
Стремян повыше, ниже грив,
Стояла ровно кавбригада,
Глаза клинками заслонив.
Но было трудно заслониться
От грохота того, и вот
Вдали, как пойманный убийца,
Затараторил пулемет.
Как ни считал, все было мало,
Сбивался с счета – и опять,
Вдруг сбившись, начинал сначала,
И вновь не мог пересчитать.
И страшно было ждать. И хрипло
В рядах сказали тихо: "Что ж,
Ждать, чтоб дивизия погибла?"

Но командир, смиряя дрожь
Коня, который, зубы скаля,
Покачивался, – ждал и ждал...
И вдруг, не сдерживаясь, дали
Ракетный подали сигнал.
Тогда он саблю вздел с разлета –
Спокойный, а лицо как мел.
И в первом эскадроне кто-то
Не выдержал. Стремясь, запел:
"Вихри враждебные веют над нами!»

Павел Васильев (*1934)*

Как могли ухлопать такого поэта в славном 1937 году, написавшего такое стихотворение? Как могли обвинить его в антисоветчине и подвести под расстрел! Это сделали бездари, литературные браконьеры, которых и сейчас полно, нашептавшие Горькому о несуществующих грехах Павла Васильева и отправившие его на эшафот. Строчки «*Как будто ждали эскадроны, что рядом запоет петух»*, на мой взгляд, получились судьбоносными не только для Павла, но и для всех красных конников. Дело в том, что обычно, когда поёт петух *(Мк. 14:72)*, то обязательно кого-то предают. Поэт, вестимо, этого не предполагал, но получилось, как получилось…

Кто-то мне скажет: «Парень, окстись! Это всё в прошлом!» (Этот вопрос возникал и в предыдущей моей работе «По старине и не только…».) Нет, ребята, это настоящее! Все эти карлики, переродившиеся, притихли и ждут команды. Только зря ждут эти опоссумы, эти тарантулы от литературы с бронированными кейсами, а некоторые в «сутанах», способные только на прыжки влево или вправо, нужной команды. Мы живём в свободной стране, и спасибо Господу Богу за наше бытие.

Начну я, как водится, издалека, с конца 80-х и начала 90-х. Я поведаю вам, уважаемые читатели, свою писательскую историю. Сейчас у нас в Лебечтитлане поэтов и прочих сказителей, как собак не резанных. И поспособствовал этому я в своё время, о чём, честно говоря, иногда жалею.

Как же я, Аркадий Польшин, из пацанов попал в писатели и академики? И, ко всему прочему, имею билет Союза писателей России за номером 1?008, выданный мне центральным штабом, расположенным в городе Москве. В общей сложности в этой организации состою с 1995 года! О том, что я состою в писательских рядах, в нашем городе никто не знал лет 20. Это сейчас молодые люди и не очень, чуть что, быстрее в интернет выкладывать какие они великие авторы и «вожди краснокожих…». Или стихи начинают писать в 70 лет, чему можно только позавидовать. И всё больше о любви и расставаниях в палисадниках под сиренью.

В этом очерке я постараюсь меньше говорить прозой, а попробую расшифровать данную тему рифморубом, рифмочёсом и метафорами. Персонажи, о которых говорится в этих розетках, себя узнают, коли воткнутся, а если не удосужатся, то им обязательно передадут по проводам электрическим. И никаких имён, и фамилий. Всё совершенно секретно и непрозрачно. Короче, полиграф! «Полиграф Полиграфович Шариков», – так говорил М.А. Булгаков... Только в моём понимании – это аппарат с присосками и датчиками для управления человеческим сознанием и запугиванием некоторых землян. Работу эту делают форменные извращенцы, само собой, в основном из двоечников… И если ты во время пыток не вспомнишь, когда последний раз сходил на горшок в детском саду или выкурил первую сигарету за углом и не в себя, то у тебя могут возникнуть проблемы. В 90-х такой ерунды не было, только в шпионских фильмах, а сейчас – сколько хочешь. К нашим пампасам этот фокус не относится, но в других мирах популярен… Всё по Замятину! Эх, Евгений Иванович, Вас бы в наши времена десантировать. Какое «Мы»? «Не Мы» было бы

на обложке… И откуда только берутся эти молодчики в перчатках из крокодиловой кожи? Не иначе с Патриарших или с Лиговки 30-х годов. Только фикс золотых не хватает и засапожников… Бедные крокодилы…

В этом «ППШ» только две первые буквы соответствуют замятинской математике. Дальше – булгаковский мистицизм и фатализм. С фамилией в моей истории ситуация такая: этот пёс идёт сразу за мной в списках одного «колхоза», если бы я там состоял на сегодняшний момент. И обратно он в собаку не превратится – заземлился, стало быть, забаскервилился… (Взгляд исподлобья этого демона, выдаёт породу.) Чуть выше, в том же циркуляре, есть профессор, но фамилия его, к сожалению, не Преображенский… Об этих атавизмах можно долго размышлять, поэтому, чтобы не распыляться, предлагаю вернуться в начало польшинского стиха.

Глянули как топор по стрелецкой башке 90-е годы, как сегодня говорят – «лихие», однако сегодняшние времена по лихости покруче будут, на мой взгляд. Просто лихость эта другая – подлая! Что скажут о наших временах лед тридцать спустя? Многие, наверно, в ящиках перевернутся, не дождавшись кэшбэков, не хуже Гоголя.

В 90-х много было тумана... Люди, которые ещё вчера вели тебя куда-то, повели в обратную сторону, заводы стали задыхаться, и село хромать на обе ноги… В наших местах это ощущалось не так безнадёжно, наши правители в то время смогли погасить сползание региона в кювет. Несмотря на все трудности, душа пела и стучала. На тебя обрушилось столько интереснейшей информации и новостей. Голова шла кругом. Один Солженицын чего стоил. Казалось, что вся наша страна в недавнем прошлом сплошной концлагерь и тюряга. Сегодня, кстати, так не кажется, если говорить о том «недавнем прошлом». Поток информации – великое дело, может такого наворотить. Может смыть тебя в какое-нибудь Атлантическое далёко, как «Титаник» или лебедянское близкое болото, с торчащей посреди сценой на кресте, похожей на австралийского крокодила.

В то время я очень много читал. Кстати, в детстве стихов не писал, всё больше на хоккей и футбол налегал, но поэзию любил и знал, особенно Есенина и Маяковского. Да и не я один. Был на районе книжный магазинчик, библиотека в клубе. Наши места! Теперь вместо книготорговли – магазин-кафешка для всяких небольших историй: дней рождений и всё больше похорон. Вестимо, долгое время в нашем городе было одно кладбище, а теперь три, и четвёртое уже не за горами. Кафе это – очень нужный объект на районе, так как здесь можно недорого и со вкусом провести то или иное мероприятие. И не вина хозяев этого заведения, что вместо Пушкина и Дюма сегодня в тренде котлеты и салат «Оливье». Сместились полюса, перевернулся мир, и книжный магазинчик канул, как «Титаник», в пучину очередного махрового эксперимента. Городок наш со временем превратился в центр похоронных мастерских, аптек и пивнушек… На каждом углу тебя как бы встречает лозунг: «Пьём сегодня не сироп, завтра ляжем в новый гроб!» Что видел Ипполит Матвеевич Воробьянинов, выходя на улицу товарища Губернского: «По левую руку за волнистыми зеленоватыми стёклами серебрились гробы похоронного бюро «Нимфа». Справа за маленькими, с обвалившейся замазкой окнами угрюмо возлежали дубовые пыльные и скучные гробы гробовых дел мастера Безенчука». Только люди в этом городе умирали крайне редко. Интересно, почему?

И тут ничего не попишешь: спрос рождает предложение. Последнее время ситуация начала меняться, появились спортивные сооружения, новые школы и детские площадки. Стало быть, мы понемногу вылезаем из этой преисподней. Быть может, со временем потомки этих кулинаров, этих добрейших людей, в этом магазинчике опять будут выдавать Пушкина и Александра Дюма вместо салата. Новый-старый спрос родит новое предложение. Книг сегодня не читают, об этом надо сказать прямо. Тех, кто читает в интернете, единицы, хотя теперь можно прочитать всё, начиная от Пушкина и кончая Замятиным и Булгаковым. Раньше об этом можно было только мечтать. Вот только тяги у людей к чтению – нет. Вопрос этот очень серьёзный, требующий глубокого анализа, и ответы на эти вопросы есть, во всяком случае у меня.

Почему мне так дорог тот книжный магазинчик? Всё очень просто: не было бы его, не было бы меня как автора. Не было бы этих восьми русских поэм, написанных сам не ведая как. Посади меня сейчас за письменный стол, положи кусок золота призовых и предложи написать что-нибудь подобное – я откажусь. Нет того, что было, а откуда взялось, сам не пойму. Некоторые поэмы написались как на духу – навскидку, например, «Ангелы» или «Инопланетяне». За пару дней управился. Поэма «Воля» вообще за полчаса влетела. Летело как из-под копыт, а «Настоящие волки» десять лет брели к своему концу. Поэмы – это не проза, куга эта не от мира сего. Скорее всего, книга «Орлёнок» и этот очерк, вставленный в книгу, – последнее, что выйдет у меня. Оно и достаточно: написал я, не кривя душой и не мельтеша перед тесаком, выражаясь метафорически, немало чего за русский народ. Плохо или хорошо – не мне судить. Пора и честь знать. Знаю точно одно: за написанное мне не стыдно. Некоторые вещи, естественно, из раннего творчества можно было бы изменить, но это обычная история. Однако вернёмся ко временам «лихим».

Находясь в столице, бывал на Арбате: уличные певцы, казаки, которые в песнях рубали «*в капусту всех врагов с коммунистами*», художники и, конечно, книги. Много хороших и редких книг я купил в то время на Арбате, и всё про Гражданскую войну. Почему про Гражданскую? Любил я историю, а в этой истории было очень много загадок. И писать стихи я стал изначально не про облачка и лютики, а про коней и конников, летящих на полном скаку с заточенными железками, про кресты на шеях колоколен, про дедов, бивших фашистов.

Конники эти, само собой, летели друг на друга. И что интересно, так они продолжают скакать до наших времён. Хотелось понять зачем? Чья правда была и слава? В меня вошли рассказы прадеда о тех событиях. Жаль, что мало успел расспросить его о тех судьбоносных временах. Да и вообще, тупорылые мы какие-то были, жили одним днём: работа – дом, дом – работа. Мозгов не было, хотя, образование нам давали приличное по нынешним временам, но, естественно, однобокое. Слишком всё было политизировано в этом образовании. И эта фальшь выпирала из всех щелей. Была пропасть между реальностью и одной центральной газетой. А позже, когда пошли все эти «ускорения» под гроздьями «плюрализма», в голове не могли уместиться Деникин и Чапаев за одним свадебным столом. Причём, первый сидел в кресле, а второй на бабушкиной табуретке.

Примирение было смыслом всего происходящего, на мой взгляд. Только, кто с кем должен был мириться и целоваться в засос, как это было совсем недавно в любом телевизионном окошке с 21:00 до 21:30, было непонятно. Прежде чем делать какие-то выводы, нужно было изучить вопрос. Вот я и изучал. Помню, брал на работу книги по литературе и истории. Работал тогда в котельной. Попал я туда с прицелом, что будет время заниматься самообразованием. Однако в таких местах можно было до жёлтой жидкости досамообразовываться. Главное – не попасть ни под чью лапищу, не сломаться ментально! В 90-х, ко всему прочему, вышли из-под моего пера-топора самые мои любимые тексты: «Ярмарка», «Крест» «Лебедянский вальс», «Старик», поэма «Воля», «День Победы» и др. И по своему уровню эти тексты, что надо! Настоящая поэзия.

***

Жеребёнок, не плачь – подрастёшь.
Только здесь не догонишь свободы.
Предок твой был в набеге хорош,
Грудью рыжей уняв пулемёты.
Не гулять вдоль остывшей реки
С озорной бесшабашной ошарой.
Твою бабку свели казаки –
Каховкой, Екатеринодаром.
Постареешь и ты в хомуте,

Посмотри на отшельника в стае:
Мои предки шалили в орде
И мечами крестили Мамаев.

(1991)

Одна из липецких поэтесс, ознакомившись с моей биографией, написала обо мне стихотворение «Поэт из кочегарки», где назвала меня «пионером» и «конником», готовым выскочить из колодок. Признаться, не люблю я это слово «поэтесса». Есть в нём какая-то мутота и фальшь, чего я в литературе не терплю. Есть поэт, а какого он пола – дело десятое. Ахматова, Ахмадулина – это поэты земли русской! А эти «поэтессы», побегавшие по всяким графоманским курсам, которые контролируют такие же «поэтессы» и «поэты», а некоторые из них в рубище, рангом повыше, ничего с точки зрения литературы из себя не представляют. Один гламур и развод, сами знаете кого! Любым путём на какие-никакие подмости выпрыгнуть и засветиться на YouTube или в какой-нибудь провинциальной избе-читальне. Мне кажется, они бы и голышом смогли бы, как у Булгакова на примерке. Можно десять Литературных институтов имени Горького окончить, а «босым» поэтом или «гранитным» прозаиком не стать. В наших краях таких полно. Кстати, сам Алексей Максимович по тем коридорам не хаживал и в таких тусовках не состоял. Всё больше горбатился за копейку… И учился! А учиться, братцы, никогда не поздно.

Так вот, написала эта барышня обо мне, увековечила, стало быть. Правду сказала, что пионером я был отличным и конником был бы толковым, только не свезло мне в то время родиться. Только фее этой невдомёк, что испытывает человек по профессии кочегар, когда под его ботинками взрываются тараканы, неуспевшие к добыче присосаться. Я по минному полю не ходил, но, мне кажется, сходство имеется, только со звуковым сопровождением «чпок», «чпок». И ещё, ей – этой барышне – невдомёк, каково это, когда везде поют о какой-то свободе, а тут тебя запирают на твоём рабочем месте на все замки и засовы, аки раба на галерах, забыв выдать противогаз, потому что от задымления, лампочек Ильича и лозунгов о новой жизни было не видать. Директор, вестимо, приказал! Из бывших… (Вот Ильич посмотрел бы на этот трудодень или Сергеевич!)

Всегда есть у нас какие-то бывшие, которые в итоге неплохо устраиваются. В нашем случае бывший ответственный работник по прозвищу Барыня. Естественно, не Салтычиха, но всё же… (Интересно: у Салтычихи были пятки грязные или нет? У нашей просматривался такой анекдот, хотя в цеху я её ни разу не видел.) Опять же, если ты потребуешь противогаз, исходя из приведённого выше примера, или ещё какие права начнёшь включать, тебя отправят за забор, что в итоге со мной и произошло… (Всё равно я этой «маме» благодарен. Ведь именно там, среди соляры и копоти, был написан «Крест», который следует за мной по жизни и не только на груди почти что богатырской.) Моя первая книга «Где-то там, за грозой», вышедшая в 1994 году, висела тогда при входе в краеведческий музей, а я и не знал. Зато знали об этом эти тёти с задницами, как у комбайнов. А что: маргарин, сахар, мука и т.д. – всё халявное. Отожрались на блинах… И это при том, что была талонная система. Только водки не хватало! Ерунда, был самогон под рукой и другая валюта. В этой моей книге, прямо сказать, толковой… говорилось о воле в Диком поле, о казаках, о кресте уходящему в небо, о Гражданской войне…

Мои надсмотрщики, как мне стало ясно позднее, эти темы не воспринимали. Им были ближе хомуты, кандалы и наручники на теле недавнего гегемона. Никто никуда не перестраивался и делать этого не собирался. Они и сейчас в этом ключе промышляют, только на других стульчиках. Если поживу ещё, попробую написать какую-нибудь чистую монографию по этому вопросу. Впрочем, по этой теме много чего у меня напечатано, но всё больше в стихах. А эти ребята стихов не читают. Ничего, мы и в прозе с недавнего времени купаемся. Так что до встречи! После «Салтычихи» подался я в купцы запрягать огурцы. Итогом того шага стала поэма «Купец», в которой рассказывается о моих

приключениях на этом поприще. Кстати, та поэтесса классно поёт, спасибо ей за песни и пионерию.

Все последние беды на нашей орбите от этих бывших «комсоуранитов», «инопланетян» и «марсиан» в синих приталенных пиджаках. И все, кстати, шоколадно пригрелись, по большому счёту. Почему всё больше синие, спросите вы? Наверное, от небес, причёсанных главным портным по фамилии Воланд… Лично я люблю зелёный пиджак. Сам не знаю почему. Да, забыл, ещё джинсы фирмы Lee! На мой взгляд, на руководящие посты давно пора молодых женщин продвигать: современных, грамотных и честных. И начинать надо с самого верха! Женщины у нас намного твёрже, умнее и полезнее мужчин. Даёшь МАТРИАРХАТ! Космонавтка вон до сей поры в поряде и полном здравии. А таракашки в том склепе были знатные – откормленные. Им бы где-нибудь на бегах выступать – в Константинополе, например, или в Сан-Ремо.

***

Тут стены, словно таганские,
И тараканы запечные,
А мне бы берёзки рязанские
Вдруг увидать подвенечные.
Ночь-ноченька нудная
Льёт из утробного кратера.
Вот оно самое путное,
Только написано матерно!
Здесь, между булкой и голодом,
Бьются за хлеб пролетарии…
Бьются и рядом, и далее
Над зацелованным городом!

(1993)

И, что удивительно, уважаемые любители публицистики, пролетарии бьются за кусок хлеба всегда, в том числе и пролетарии умственного труда на даче в Переделкино. Как мне рассказывал один друг, иезуит по характеру, обклеены были там стены портретами всех этих «гениев», которых он, видать, ублажал своим угодничеством и которых никто никогда не читал. Когда времена изменились, книжки этих писарей на помойку носить не успевали уборщицы. Интересно, мой иезуитик помогал этот аврал осуществлять или нет? Надо будет поинтересоваться при встрече. Для кого писали, для чего? По разнарядке, стало быть. Вот Лев Толстой, я понимаю! Или Максим Горький с Сергунькой Есениным – это класс! Или Булгаков с Замятиным! И, заметьте, читальмены, никакого обучения писательскому мастерству эти парни не проходили, а всё больше у жизни учились… Сколько тот же Есенин о жизни народа написал, одна Анна Снегина чего стоит. О первых двух и говорить нечего, а Михаил Афанасьевич Булгаков, ко всему прочему, вообще был врачом.

Вот и я, думаю, пора завязывать с баловством, а то, ещё чего, начнут и мои портреты выносить… Чего я хотел высказать, я высказал – в поэмах, в публицистике и текстах поэтических. Восемь поэм, и все напечатаны в литературных журналах, десять публицистических работ, половина из которых (на сегодняшний день) тоже опубликована, где надо. Про стихи говорить не будем, они тоже поучаствовали в торжестве ликбеза. Чего ещё надо мне – пареньку с улицы. Надеюсь, когда-нибудь, русский народ прочтёт мою философию, и не только мою, и задумается… А потом, почесав репу, скажет: «Неплохой парень был, блин!»

Всё началось с моей встречи с Курковым Анатолием Сергеевичем, нашим Краеведом. Почему с большой буквы написал? Всё очень просто – этот человек был настоящим краеведом, не чета нынешним. Объясню почему…

Сегодня поехал в любой архив, открыл интернет, вот тебе, касатик, информация на любой вкус и цвет. Собрал эту инфу вместе с фотографиями, отгородил обложкой и в продажу за казённый счёт, если такой имеется. А он, само собой, имеется, особенно у наших с гламурными щёчками.

В те времена – курковские или волынчевские (конец 80-х, начало 90-х) – было по-другому. (Был такой краевед Волынчиков Николай Васильевич – человек интересной судьбы и производственник.) Информации тогда не было никакой, чтобы написать о чём-то, её надо было нарыть. В своей предыдущей публицистической работе «По старине и не только…» я рассказывал, как мы с Курковым материал добывали о Гражданской войне в Лебедяни, а именно: захвате корпусом Мамонтова наших огородов…

И даже если ты добыл информацию, далеко не факт, что ты её опубликуешь. Писали в сапог! Денег никто не давал. Это не как сейчас: если ты поёшь складно и нужным фальцетом, то и в кармане ладно. Поэтому, наверное, сегодняшние краеведы не имеют своей точки зрения на некоторые принципиальные вопросы. В Лебечтитлане построили церковь на кресте несколько лет назад, однако никто из краеведов этой проблемой не озадачился, окромя вашего покорного слуги, уважаемые читатели. В своих последних очерках я по этой теме много чего написал, повторяться не буду.

Так вот, Курков, почитав мои поэтические опыты, направил меня к липецкому краеведу и поэту Панюшкину Сергею Порфирьевичу. Откуда Анатолий Сергеевич узнал про меня, я не знаю. Тогда немного печатался в местной газете, которая называлась «Путь Октября», а в народе – «Путёвка». Помню, даже какой-то гонорар платили на мороженое. Быть может, там он прочитал мои тексты? А тексты были, прямо скажем, неплохие. Один «Крест» чего стоит! Впоследствии данковский композитор и музыкант Алексей Иванович Мартынов из группы «Казачий разъезд» написал правильную музыку к этому стихотворению, и получился настоящий рок. Не хуже, чем у Deep Purple или Led Zeppelin! И это не трёп, а подтверждённый факт. Интернет помнит всё!..

Окромя тех клерков МАССОЛИТПРОМОВСКИХ, о которых говорил мой знакомый редактор, я на своём пути встретил немало настоящих глыб и мыслителей. Прям по трафаретам Максима Горького! Это, в первую очередь, ПШШ: Панюшкин С.П., Шахов В.В. и Шальнев Б.М. Потом, в настоящий момент, я иногда общаюсь с Григорьевым Б.Н., Звездовой Г.В., Двуреченской Т.В., Халиловой Е.В., Кривошеиным Н.В., Ольгой Владимировной Грибановой из Питера. Нашёл я друзей-единомышленников в интернете. С последней – разговариваем через провода, но скоро, видать, познакомимся. Полно хороших и близких по духу людей вокруг, надо только присмотреться.

Хотелось бы вспомнить, поблагодарить главных редакторов литературных журналов и альманахов, печатающих или печатавших мои произведения. Этих людей я никогда не видел и не увижу. Если печатают, значит, близки по духу, и никак не иначе. Хочу поблагодарить от всего пионерского сердца Скоблова Е.М. («Московский Парнас»), Безбородова И.Н. («Петровский мост»), Яшина А.А., Шафрана Я.Н. («Приокские зори»), Буланичева В.В. («Бийский вестник»), Басырова В.М. («Крым»), Довыденко Л.В. («Берега»), Скворцова В.С. («Невский альманах»), Кузнецова В.Я. («Северомуйские огни»). С недавних пор у меня в друзьях Anisija Crepovic («PETRUSKA NASTAMBA»). В друзьях не ВКонтакте или ещё где (все соцсети я закрыл), а в литературе. И я вам скажу, уважаемые читальмены, что мои сербские братья меня не подведут, в отличие от местных приспособленцев в накидках и униформе из приталенной двойки.

У некоторых из них, у редакторов, пользуясь случаем, хочу попросить прощения. Бываю я порой резок и суетлив. Признаю, но что поделать. Меняться уже тяжело. Быть может, именно моя так называемая «быковатость» придаёт моему литературному перу самобытности и свежести… Из этой плеяды литературных глыб и валунов особенно хотелось бы выделить Сергея Порфирьевича Панюшкина – моего друга и учителя.

Многолетняя дружба с ним вылилась с моей стороны в несколько стихотворений о нём, статью к 100-летию со дня рождения и поэму «Настоящие волки, посвящённую этому

замечательному человеку. Опять же, регулярно провожу Панюшкинские чтения на территории Липецкой области, начиная с 2011 года.

Сказали: он как будто слеп.
По вечерам местами болен.
Ошибка вышла – жив поэт!
Как вольный парус на просторе!

Поэма «Настоящие волки» в честь Сергея Порфирьевича, имеет свою историю, о которой я попытаюсь вкратце рассказать.

Две части этой работы были оформлены мною в конце 2009 года. Мэтр был тогда ещё с нами. Я ему читал её на слух, потому что он уже ничего не видел. Этого было достаточно, чтобы получить необходимые замечания и дополнения к этой теме. Дело в том, что события, о которых говорилось в этой поэме, Сергея Панюшкина волновали ещё в молодости. У него была чем-то похожая работа «Артур Зегелис» (1973). Центральное место в обоих произведениях занимает восстание крестьян в Тамбовской губернии в 1920-1921 годах. Наш взгляд на события того чумового времени были в чём-то одинаковы. Однако были и различия, о которых мы с Сергеем Порфирьевичем никогда не говорили. Даже за стопкой! Эту его поэму я прочитал уже после смерти друга, а то бы много чего расспросил бы. Дело в том, что он ещё в 70-х был допущен в архивы для проработки информации по этой теме. Эта работа Сергея Порфирьевича произвела на меня большое впечатление своей прямотой и искренностью. Мне подумалось: «Как это могли напечатать в начале 70-х прошлого века?» А ещё говорят: «Цензура!» Меня не печатают в областном центре 14 лет, а в районном, в местной газете, не публикуют уже 7 или 8. И ничего, я доволен! Печатают пока что в других местах, и это хоккей… Кстати, все мои работы патриотичны и мелодичны. За ближайшие 200 лет, думаю, никто подобного в наших краях не напишет. Так что, господа, не суетитесь на яблочном стуле: у меня всё нормально. Однако пора вернуться к нашим серым оригиналам – поэме про «волков». И это не «Волки привередливые с конями», а самые что ни на есть ТАМБОВСКИЕ!

Мои «Настоящие волки» тоже, как и поэма моего друга «Артур Зегелис», обладают эффектом присутствия, о чём мне поведал один из артистов местного театра, игравший одного из героев поэмы «Настоящие волки» – комиссара! «Чувствовал я себя таким дерьмом, даже целоваться не хотелось целый месяц после исполнения этой роли», – признался мне этот парень. Дело в том, что в том драматическом произведении говорилось о захвате карателями (китайцами) русского села, где находилась героиня данной поэмы крестьянка Настя, любившая атамана. В итоге наложила она на себя руки, чтобы не достаться этому комиссару, а точнее – перерезала вены. Вот это я понимаю – любовь! Любовь на гребне шашки! На мушке нагана! Пока комиссар сапоги снимал, она, Настя, и отошла к Богу. Комиссары, вестимо, были не все одинаковы. У Павла Васильева в стихотворении «Кавбригада перед атакой» тот был другим, прям как мой дед! А этот – «китайский» – из другого теста. Разбойник и предатель народа, коль этот народ насильничать и грабить собирался. Кстати, московский литератор Е.М. Скоблов тоже отметил эффект присутствия в моих поэмах, в т. ч. и в этой. Спасибо ему за всё и удачи с терпением.

То, что поэма «Настоящие волки» была написана как на духу, сказал мне и рецензент этого произведения, о котором я говорил выше (свидетель лживых настроениях в писательской среде). Он тоже посетовал на то, что комиссар у меня больно жестоким выведен. На что я ему ответил: «Всё по Станиславскому! По заслугам и честь!» Критика этого звали Розенфельд Исаак Моисеевич. Попал я к нему по направлению главного редактора одного литературного журнала. Был это 2010 год! Рекомендовал этот литературовед первую часть к публикации, однако главный редактор начал там что-то вычёркивать и менять. Короче, разругались мы по полной: слово за слово… Без мата! С

этим у нас строго, однако 14 лет этот реактор, этот вечный двигатель, меня не печатает. Цензуру наложил, стало быть. Уже и поэму эту, дописанную и посвящённую моему другу, давно опубликовали, уже и самого Панюшкина на белом свете давно нет, а воз и ныне там. Недавно лёд вроде тронулся, но опять застрял.

По моей публицистической работе «Задонск», которую я отправил нашему лодочнику, возникли очередные заторы. Ничего не меняется в наших краях: сцена в Лебечтитлане стоит, как айсберг в океане, и очерки мои все под нож идут у местных коновалов от литературоведения. Кстати, я ему – этому мозгоправу – все свои поэмы (8 шт.) и публицистические работы (8 шт.) предъявлял, но он ничего не опубликовал в своём журнале! Журнал этот не его, он там как бы менеджер от литературы, ну и присматривает, видать, за настроениями пишущей братии. Все мои труды были напечатаны за пределами моей малой родины и напечатаны без каких-либо изменений. Все, кроме одной – драматической поэмы «Вечное Поле» (2010). А она пяти некоторых стоит! Эту он напечатал ещё в 2010, выбросив пару абзацев, тогда ещё, видать, в раж не вошёл. Сейчас абзацами уже не отделаешься: кромсает не по-детски, как на живодёрне… Так что я без претензий. Из больших работ осталось опубликовать очерки «Орлёнок», «Задонск», «По старине и не только», «Роща». И, конечно же, эту – «Шприц и якорь». Все эти произведения свежие, как куйманский хлеб! Могут и подождать…

В этом селе, в селе Куймань, живут хорошие люди, которые интересуются своей историей и культурой. А помогает им в этом местная школа, в чём я недавно убедился, когда проводили там наши Панюшкинские встречи. Всё организовано было на высшем уровне. В областной столице такого не увидишь и шестью глазами, а куйманский чай был просто восхитительным! Отродясь такой напиток не употреблял, видать, полезный. На травах! Духовитый, как дед Панюшкин! Решили с этого года проводить данные чтения в этом селе регулярно, в начале апреля, в день рождения русского поэта Сергея Порфирьевича Панюшкина. Нас не будет, мы ж не вечны, однако школа будет всегда! Так что пристроили Порфирьевича…

Можно долго перечислять его заслуги, но я не буду этого делать. Лучше взять книги и почитать, о чём человек написал. К тому же, сноха писателя подарила школьной библиотеке книги Панюшкина, туда же попала и книга вашего покорного слуги, пишущего этот очерк, сборник «Развалился туман над Непрядвою».

По Сергею Порфирьевичу хочу сказать лишь одно: его смело можно назвать фронтовым поэтом. Есть у него серия стихотворений о войне и поэма «Былое болью». Само собой, он не Павел Шубин, что касается объёма, но по мастерству равный равному.

P. S. К роману С.П. Панюшкина «Крах»:

Задира задире рознь!
Иной – «багдадская» вонь,
А этот – обложки гвоздь –
Торпеды скуластой «товьсь».
Куда ты, Грибов Егор,
Летишь, как злой метеор?
Катер – бросок души,
Волны – моря клеши…

(Егор Грибов и есть Серёга Панюшкин с якорем, привязанным к шее лентами от бескозырки, само собой, литературным. Эта антитеза предназначена для особо одарённых редакторов, в т. ч. районных газет.)

История с публикацией поэмы «Настоящие волки», так же интересна, как и само прочтение. Наш уважаемый главред работу эту публиковать не стал, по каким-то там своим заморочкам. Однако мир не без добрых людей. Отправил я этот очерк в Бийск, в журнал «Бийский вестник», и забыл об этом. Было это в конце 2020 года. Сразу после нового года,

глядь, уведомление с почты на бандероль прилетело. Я всё думал: откуда? Быть может, из какой конторы должок пришвартовался или куда вызывают на «собеседование». Прихожу я, стало быть, на полусогнутых к почтарям, а там журнал «Бийский вестник» №1 за 2021 год меня дожидается. И, мало того, в нём моя поэма, посвящённая Панюшкину. Как они узнали мой адрес, ума не приложу. И потом, бесплатно, что в наши времена большая редкость.

Начал я тут припоминать, что был у меня незадолго до этого разговор с главным редактором с помощью переписки, естественно. Редактора звали Буланичев Виктор Васильевич. Да, был разговор, но конкретно о публикации речи не было.

Поэма была с таким посвящением: «К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ РУССКОГО ПОЭТА ПАНЮШКИНА СЕРГЕЯ ПОРФИРЬЕВИЧА». Начиналась она с эпиграфа самого поэта-Панюшкина:

…А батюшку из церкви увели.
Его при всём честном народе взяли.
Народ безмолвствовал. А короли
Наганы для острастки обнажали.

Сергей Панюшкин

Это четверостишие взято мною из одного стихотворения классика. Эпиграф, на мой взгляд, неплох и отражает сущность поэта Панюшкина, человека, прошедшего три войны и вывернувшего душу на испод на мирных фронтах. Кто-то спросит: «Для кого?» Отвечу: «Для народа!» За этот народ он воевал, голодал и книжки умные писал по ночам.

Так вот, этот главный редактор «Бийского вестника» предложил мне посвятить эту работу Василию Макаровичу Шукшину. «Есть в этой поэме ШУКШИНСКИЙ ДУХ!» – написал он мне. Однако я замялся…

Отказался я не из-за того, что имею что-то против Макаровича. Нет, я его очень люблю и уважаю, а его деревенские рассказы просто шедевры в русской литературе, а песня Высоцкого на его смерть – за душу хватает и мнёт её болезную… Тогда Буланичев предложил сделать совместное посвящение: Василию Макаровичу Шукшину и Сергею Порфирьевичу Панюшкину. Я опять пожал плечами и пообещал после выхода на пенсию приехать на Алтай, в город Бийск, побродить по шукшинским просторам и написать что-нибудь о Шукшине. Ну никак не мог я поступить иначе. Не знаю, возможно, Виктор Васильевич на меня обиделся (пользуясь случаем, прошу прощения). Никак я не мог эти две судьбы соединить в уже написанную вещь! Если бы заранее знал, другой вопрос.

Заметьте, братья, главный редактор поставил на одни весы Панюшкина и Шукшина. Как я понял, в тех местах Василий Макарович Шукшин большой авторитет. Улицы, библиотеки, музеи и т. д. названы именем этого человека. 25 июля 2004 года на горе Пикет возле родового шукшинского села Сростки был открыт памятник В.М. Шукшину. Кстати, там есть музей Шукшина, а в нём мои книги «Граница» и «Дом у берёз», отправленные мной Буланичеву. Памятник, конечно, впечатляет и наводит на размышления…

Сидит он такой, Шукшин, в задумчивости и думает думу русскую, вероятно, о том, кому на Руси жить хорошо… Мучает его (видать невооружённым глазом) извечный русский вопрос: «Кто виноват, и что делать?» Памятник этот сваял замечательный русский скульптор Вячеслав Михайлович Клыков, который у нас в Липецке монумент Петру (первому) отгрохал в 1996-ом. Памятник Шукшину увидел свет благодаря другому русскому патриоту и предпринимателю Козубенко Сергею Павловичу. Немного полистал я о нём в интернете и, представляете себе, был поражён. Сколько он построил церквей, сколько восстановил, содержит несколько литературных журналов, сколько открыл для детей домов творчества и кинотеатров и т.д. В нашем улусе такого и в помине нет! Тут один взялся за строительство церкви у нас на районе в 2015 году. Сейчас идёт 2025-й, а её всё нет (одни стены!). Службы ведутся в приспособленном помещении.

Так вот, сравнил Буланичев Шукшина с Панюшкиным, связал их ШУКШИНСКИМ ДУХОМ. Только я ему после этого сколько ни посылал материала с пометкой «шукшинский дух», ничего не опубликовал. Быть может, обиделся тогда? Напечатал балладу «Скит» (посвящённую С.П. Козубенко), но она шла без всяких сопроводительных преамбул. Кстати, где бы узнать электронный адрес этого человека? Хочу ему книгу подарить из уважения! Если кто, из прочитавших этот материал, знает, то, пожалуйста, чиркните мне на почту, а почта прикреплена к сайту (польшин.рф).

Да, у Шукшина и Панюшкина много общего: Русь-матушка – вот их причал! Опять же Степан Разин для обоих был иконой и непререкаемым авторитетом. Для Панюшкина он таким остался навсегда, для Шукшина немного потускнел, после его работы над архивными материалами. Немного опростоволосился, обуянился… Оба работали над этой темой. У обоих были написаны романы об этом народном вожде. У Панюшкина – «Горный орёл» (2006), у Шукшина – «Я пришёл дать вам волю» (1971). Само собой, Макарович был талантлив во многом: писатель, киноактёр, режиссёр, был знаком с большими людьми из мира кино и искусства, был знаком со всякими шишками того времени. Порфирьевич был обычным военным пенсионером, но с большими фронтовыми и человеческими заслугами и качествами, и не менее талантливым. Однако, на мой взгляд, у Панюшкина было одно весомое преимущество перед Шукшиным. Сергей Порфирьевич Панюшкин – воевал, в т. ч. в окопах Ленинграда и на катерах (Егор Грибов!), а Василий Макарович воевал только в кино, пусть и гениально.

Так что же такое этот ШУКШИНСКИЙ ДУХ, о котором мы сегодня сломали столько копий? В моём понимании он выражен стихотворением следующего характера:

***

В.В Буланичеву

Дух Шукшина – это не пыль,
Не связка утренних баранок.
То поля русского ковыль
И след будёновских тачанок.
Он Стеньки Разина набат,
Он одинокая коняга…
Он с самокруткою солдат
У стен разбитого Рейхстага!

2021

Коль сегодня мы заговорили о памятниках, хочу вставить стихотворение «Памятник» (2015), посвящённое соратнику Сергея Порфирьевича Березневу Анатолию Тихоновичу! Кстати, тоже моряку, которого я достаточно хорошо знал, и который вдохнул в меня второе литературное дыхание после десятилетнего польшинского простоя. Простоя мрачного и смутного…

ПАМЯТНИК

А.Т. Березневу

Опять спешит на юг и дальше
Неугомонный великан.
Азов, потрепыхавшись, ляжет
В его потрёпанный кафтан…
Пускай наш Пётр – всего лишь память
От верноподданных липчан,
Его мечты – прямое знамя
В краю серьёзных янычар.
Привычен он! Усталость в пушку

Опустит, как ненужный хлам,
И в рост, с гранитною подушкой,
Шагнёт на выручку донцам.
А что же Липецк? «Тут мы – абы…
Как и в начале варим сталь».
Шагни наш Пётр хоть к чёрту в лапы…
Шагнёт и выйдет – русский Царь!

Друзья, теперь от «якорей» мы плавно переходим к «шприцам». Поверьте, делать мне эту профилактику нет никакого желания, потому что мои прививки бесполезны и бессмысленны этим людям и в это время. Просто у меня такое чувство, что я должен это сделать, и всё! Кто, если не я? Сам я, поверьте, мои братья во Христе, не святой, но всё что касается литературных вопросов, делается и делалось мною искренне и с любовью. А от любви до ненависти – один шаг, известный постулат. Только ненависть эта прёт почему-то в мою сторону, в мои «курушинские» ворота (был такой парень, в футбол вместе пылили). Какая-то постоянная мышиная возня за моей спиной. Вороньё суетится и слетается то и дело по мою душу. Однако расходятся восвояси, несолоно хлебавши…

Итак, Курков передал мои поводья Панюшкину – близкому по духу человеку и патриоту. Панюшкин был сам по себе, но при нём были «ШШ» – Шахов Василий Васильевич и Шальнев Борис Михайлович. Они сотрудничали с Порфирьевичем в различных литературных проектах и были, на мой взгляд, приятелями. Оба этих литератора являлись большими патриотами своего Отечества. Кстати, оба меня уважали и ценили, как и дед-Панюшкин! Бывало, приедешь на собрание писательской организации, а Шальнев скажет: «Вот и Польшин даровитый приехал!» Таких нас – тогда, даровитых, много было: Ширнин, Рязанцев, Петров, Тамбовская, Купавых… Было дело, что и на вокзале ночевал, чтобы с этими ребятами пообщаться.

Помню Людмилу Парщикову, Ивана Завражина, Владислава Зорина, Светлану Мекшен. С ними я близко знаком не был, но пересекался несколько раз. Они, кстати, все были из другого союза. Слышал их стихи, видел их прочтение. Тогда, в отличие от сегодняшних поэтов, никто не читал по шпаргалкам. Этому я, наверное, у них научился! А как иначе? Дикость какая-то… Всмотритесь в эти глаза. Мозг! Разве он мог позволить себе вытянуть из кармана засаленный листок и шпарить по нему. Это расценивалось как предательство литературы и обман слушателей. А если у кого нет памяти, то сидите дома, уважаемые господа рифмоплёты! Мой вам совет!

После раскола Союза писателей СССР, образовалось два союза – Союз писателей России, в котором я состою до сей поры и Российский союз писателей. Считалось, что первый являлся приемником главного, а второй – новым ветром… Я не знаю про ветер, но, на мой взгляд, особых различий не было. И там и там были достойные авторы. И там и там был свой патриотизм. Если и были какие-то трения, то, мне всегда казалось, замешаны они были на личностных отношениях. Эти личностные отношения никуда не делись и в наши дни. Сегодня такие литературные перцы и гвоздики произрастают в наших лицедейских краях, что порой из дома страшно выходить… И вся это шелупонь сегодня устремляется в районы, учить нас несмышлёнышей уму разуму в литературе и искусстве. Встречают их с распростёртыми объятиями, а некоторых с хлебом-солью. Фанфар только не хватает, но и с этим, надо полагать, проблем скоро не будет. Есть и у нас духовой оркестр – ребята талантливые и духовитые! Костюмы только им пошить надо, а то поизносились за тридцать лет, да и мода изменилась.

(Дописывая этот материал в январе 2026 года, с прискорбием сообщаю о кончине руководителя лебедянского духового оркестра Денисова Бориса Николаевича – светлого и талантливого человека. Ушёл последний трубач, ушла последняя легенда местного джаза. Будет ли без него держаться духовой коллектив, я не знаю, но хотелось бы. В память о Борисе Николаевиче Денисове. Земля пухом.)

Сергей Панюшкин (1939 г.)

Кем себя возомнили эти гастролёры, о которых говорено выше, – новыми пушкиными или буниными, за которых некоторые из них цепляются будто за трактор? Да они и их готовы подправить, подредактировать, а про авторов в глубинке и говорить нечего. Никакого уважения от всех этих литературных импотентов, вылезших неизвестно откуда. В 1995 году, когда меня мои старшие друзья, во главе с Сергеем Порфирьевичем приняли в Союз писателей России, этих «председателей», этих «зицпредседателей-сопредседателей» и в помине не было. Ими даже не пахло за 500 км. А сейчас они распетушились до того, что, по их мнению, впрочем, мнения у них никакого нет, просто так удобно свои делишки обтяпывать, Аркадий Олегович Польшин может быть вычеркнут из списков родного отделения союза сочинителей. Только, ребята, скажу вам со всей прямотой – это не вы меня вычеркнули, а я вас! Я с вами на одном поле в домино не сяду играть. Вы писательский организм отравили для собственной корысти, установили свои иезуитские порядки, оперевшись на своих скопцов-интриганов рангом повыше, само собой, и аппетитами соответствующими. Аркадий Польшин может сказать не в бровь, а в глаз, и вы это, кастраты амфибрахиевы, знаете, знают об этом и ваши щефы в подтяжках и задницами, как корма моторной лодки на донском причале. (Один в один как те пышки, которые тараканов разводили. Брокеры!) Драматурги вы из-под швабры! Додумались до того, что

мы, правдорубы и ПОЭТЫ, должны заново заявление для вступления в нашу гильдию писать. Я уже один раз написал, и было это в1995 году! И не вам, крысы мордастые.

С ними тем более в чисто поле выходить не следует, только если на мечах… И что характерно, все эти швондеры, которые на себя френчи примеряют, все как один бородатые. То ли под казаков косят, то ли под абреков?.. Во время своих выступлений, это что я слышал, всё поют о своём каком-то лихом геройстве, намекают на свою отвагу и храбрость. Знаем мы вашу храбрость. Кто действительно где-то был и что-то делал, а не с метлой хаживал и людям героическим лапшу графоманскую вешал, тот о своих подвигах молчит в отличие от вас. Пилить писательские бюджеты много храбрости не надо, тем более, когда самим писателям всё по барабану и до лампочки… Собрали вокруг себя прихлебаев, чтобы кворум выдержать. А те и рады: лишь бы перекур был и возможность где-нибудь задом-передом потрясти. Да, ещё по мобильному телефону какие-нибудь бессмертные вирши прочитать собственного сочинения.

Лично мне при встрече с этими героями хочется задать им один и тот же вопрос: если они такие бывалые, что же они в военкомат не идут нашим ребятам на подмогу, туда, где громыхает по-настоящему?.. Щёчки у этих бородачей, хоть прикуривай, животы тоже раздуваются не по дням, а по часам. Здоровья, стало быть, вагон?! Впрочем, насчёт животов сомневаюсь. Пивные у них бочонки, придётся погонять хорошенько по курсу молодого бойца. Да, ещё побриться придётся по уставу и личину свою истинную показать! А что?! По возрасту они в молодые годятся, тем более, с таким апломбом. Давайте, «зицпредседатели», вперёд и с песнями, хватит мой диван пасти. «Уф!» Завёлся! Ещё встретимся на нижних этажах…

Всё же, уважаемые друзья-читатели, вернёмся в «лихие» 90-е, хоть и тяжкие, однако менее подлые. Панюшкин, Шахов и Шальнев вели небывалую просветительскую работу. Именно они создали из повсеместно развалившегося Союза писателей СССР Союз писателей России на Липецкой земле, его отделение, они издавали краеведческую литературу «Родники липецкие», возились с молодёжью. Именно «возились», а не учили, как принято сегодня в том же Липецке. Невозможно человека научить писать настоящую поэзию или прозу, хоть тресни. Однако в нашей металлургической столице таких учителей на сегодня, хоть за ноги выноси… Они кругом. Ты их в форточку, они обратно. И через одного – бородатые! Ну что ты делать будешь?..

Василий Васильевич Шахов, перед тем как уйти в небосинь, написал вступительную статью к моей книге «Граница». Это был 2020 год от Рождества Христова! Опубликовал в газете «Завтра» работу о моём скромном творчестве, которая называлась «Лебедянские границы и горизонты Аркадия Польшина». Спасибо тебе, Васильевич, за добрые слова и за твои дела во благо русской литературы и народа, пропитавшего эту литературу своими слезами, потом и кровью. Там, на небесах обетованных, в этот воскресный пасхальный день, в это Светлое Пасхальное Воскресенье, я уверен, что ты меня слышишь. Вчера даже в церковь на службу не пошёл, в первый раз за 15 лет, писал этот материал. Как будто Господь мою руку сподобил и пригвоздил к столу. Вторые сутки сижу за письменным рубиконом, не могу оторваться. Поспал часа три и вперёд. Тринадцатая страница идёт. А я ещё не начинал… Материала прорва! Стихов полно, которые повествуют о наших лицедеях и провокаторах. Подсобрались за последнее время. Безусловно, и о настоящих людях, о настоящих поводырях душ людских с чистыми гранитными подбородками и сердцами без бронзовой крошки, у меня есть чего сказать и спеть!

Хотелось бы помянуть этого умнейшего и добрейшего человека – Шахова Василия Васильевича – небольшим стихотворением, а Бориса Михайловича Шальнева вспомянем немного опосля в другом тексте, когда будем «зицпредседателям» шприцы вгонять вместе с лекарствами в одно место, авось подобреют и очухаются. А как оклемаются, уверен, бриться побегут, чтобы люди их лица новорожденные похлопали с возгласами: «Хороший, хороший мальчик!»

Вестимо, к Шахову Василию Васильевичу эти ребята отношения никакого не имеют. Когда он нас, птенцов гнезда Панюшкина, окормлял, этих охламонов и в помине не было на горизонте. Я и сам не пойму: откуда эта публика упала на наши чернозёмы?..

ШАХОВ

Прощай, Васильевич! А там:
Тоска с каликинской могилы
Вовсю гуляет по полям…
По тем полям, где ты сквозь жилы
Багрянил к русским берегам!
Скакал ты прямо – на авось –
По стременам, в донские травы.
Теперь лежишь среди берёз –
Недалеко от переправы,
Как окольчуженный колосс!

2021

После того, как Анатолий Сергеевич Курков передал мою уздечку Панюшкину, дела мои писательские пошли в гору. Только я этого не осознавал. Вместо того, чтобы засесть за учебники и науку литературную, продолжал я казаковать по фронтам борьбы за копейку и место под солнцем. Первый мой сборник, который редактировал и издавал Сергей Порфирьевич, накидался легко и непринуждённо. Кстати, опубликован он был на средства писательской организации. Тогда за счёт этой организации опубликовались многие молодые в тот момент авторы. Это было не как сейчас: десять лет публикуются только особи, приближённые к императору...

Сборник этот назывался «Где-то там, за грозой…». Название ему дал Шальнев Борис Михайлович, который в 1994 году руководил Липецкой писательской организацией. И порядки в ней были не чета нынешним. Была в наших рядах настоящая демократия. И не какая-то там французская, а настоящая – вечевая – новгородская! Любой мог высказаться в глаза и по существу. Был такой поэт Шестопалов – правдоруб и бунтовщик по натуре. Был, помню, Лёня Ширнин, который тоже в карман за словом не лез, а какой лирик! Всё НЛО высматривал за окнами своей квартиры. Я как-то был у него под вечер, он давай мне в окно тыкать и какие-то фонари показывать, мол, инопланетяне. Я давай поддакивать из уважения: «Гм… Мда… Есть что-то…». (Лёня всё переживал за свой возраст и скрывал его. Выглядел он на 30, а сколько ему в действительности, я только в некрологе прочитал.) А я так скажу: этих инопланетян бояться не надо, даже если они существуют, надо бояться других – здешних, с дырками в багажниках для удобств, у которых сразу не разберёшь, что между ног болтается: хвост или яйца? Те понаблюдают и улетят на побывку, если что, а эти с тебя живого не слезут…

Лёня Ширнин, вестимо, был силачом в лирике. Я всё больше писал о конниках с заточенными железками, летящими друг на друга, а он о прекрасном, о небе синем и космических кораблях, спешащих навстречу бесконечной любви… Был, помню, профессор, с которым общались по душам. Он и сейчас есть, только не видел я его очень давно. Тогда были писательские собрания, на которые мы все или почти все, собирались. Сейчас ни о каких собраниях речь не идёт уже как лет десять. А теперь и подавно, если меня нет в списках.

Однако этот сказитель есть в этих номинациях. Созваниваются, чай, но он, видать, не поинтересовался: «Где Аркадий Олегович Польшин находится и почему он отсутствует в эфире?» Да, это не Шестопалов Анатолий Николаевич, который мог стукнуть по столу и призвать к барьеру любого зазнавшегося чинушу. «Аннушка уже разлила подсолнечное масло». Почему масло в данном контексте? Человек, если прочтёт данный материал,

поймёт. Не дурак, всё ж – профессор! Массовку сейчас этим режиссёрам создаёт, похлеще Берлиоза Михаила Александровича…

Хотелось бы, пользуясь случаем, добавить слезы за Бориса Михайловича Шальнева. Ведь именно он читал моё стихотворение «День Победы» из сборника «Где-то там, за грозой…» на пятидесятилетие Великой Победы. Происходило это на центральной площади города Липецка, при стечении большого числа ветеранов войны и труда. «Тишина была гробовая», – так мне рассказал поэт Шестопалов. Если была тишина, значит текст прошёл через сердце слушателей навылет, сквозь ордена и медали. Опять же, Борис Михайлович был патриот и душу вкладывал в каждое прочтение. Читал он, как водится, без фантиков и других подручных средств популярных в наше время среди большинства авторов.

А где же сборник «Где-то там, за грозой», взлелеянный Панюшкиным и Шальневым? Судьба его примечательна. Если не сказать трагична. По нынешним временам его внешний вид, конечно, не фонтан, но тогда в 90-х, это было классно. Да оно и сейчас тоже ничего, если посмотреть, что там внутри напечатано. Мои первые стихотворения были, прямо сказать, хороши. Не все, само собой, наполовину. Слово звенело и било родником: «День Победы», «Крест», «Старик», «Засыпает уставшее солнце…», «За Борисов, за Глебов…», «Эмигранты» и т. д.

Более десяти лет висела эта книга при входе в местный краеведческий музей по левой стороне. Приезжали люди из других городов, в частности из Питера, хотели познакомиться с автором, но, я, честно говоря, не относился к этому серьёзно. Была в 1-ой средней школе учительница по фамилии Зотова. Она много раз мне звонила, приглашала куда-то, но я вечно отнекивался. Было такое внутреннее состояние: «О чём я им скажу? Кто я такой?» То ли скромность это была, то ли пофигизм – сейчас уже не определить.

Главное, что было в этой книге, в ней был и есть русский дух, который тогда был востребован. В конце нулевых в Лебедянский краеведческий музей пришёл новый директор и с русским духом у неё, видать, были проблемы. Книгу мою куда-то сместили, а, может быть, и сожгли или порвали на самокрутки. Теперь при входе висят другие авторы, о которых в 90-х никто не слышал. Подросли, стало быть, на мамкиных харчах. Сейчас некоторые из них местную культуру поднимают столичными ходулями и ужимками. Прям с Патриарших… И, что удивительно, везде в этом музее фотографии каких-то суперменов, перерезающих ленточки, и прочие сытые физиономии. Только под некоторыми не подписано с какими они почестями покинули свои кресла. Правда, наиболее удачливые из них, умудрились ускребстись, ухватив за подрезанные стропы золотые парашюты. Народом там не пахнет, народом трудовым и мозолистым. Народом Лебедянским! Настоящим!

Сегодня (21.04.2025) проходил мимо краеведческого музея, который назван в честь Черменского П.Н. Вернее, проходил мимо его, Черменского, памятника, стоящего прям напротив этого музея в метрах 25-ти. На левой стороне груди, в районе сердца, если бы оно было, узрел я какие-то повреждения. Впечатление такое, как будто птицы постарались, однако это не так. Птицы у нас не глупые… Просто штукатурка осыпалась. Само собой, такое может с любым памятником случиться, но дело в том, что эта картина наблюдается на каменном теле нашего уважаемого краеведа уже несколько лет. Даже я года три назад говорил этой директории про сей перекос в сторону пернатых, однако и воз ныне там! Чему удивляться, если всем на всё наплевать! (Быть может, после этой публикации вспомнят про народ, про штукатуров? Хотелось бы верить.)

Фестиваль Замятинский давно заглох, организатором которого были смотритель усадьбы писателя Людмила Фёдоровна Плеханова и прогрессивная местная интеллигенция. Царствие ей небесное! Если бы она была жива, всё было по-другому, хотя и выживали её новые «кладовщики». Без неё, в музее Замятина, в его родовом гнезде, в ходу всё те же иезуитские философии и формулировки… Не буду углубляться в эту тему. В предыдущем своём очерке «По старине и не только…» я об этом писал. Сказал я как-то главному амбарщику, что пока она мою книгу «Где-то там, за грозой…» не вернёт на прежнее законное место, ноги моей в музее не будет. Прошло с тех пор четыре года. Наверное, я уже

туда в этой жизни не попаду… Всем и на всё в этом городе наплевать, уточняю для неверующих. Остаётся одно: взять и написать, что я и делаю в данный момент…

МАНДАТ

Рукописи не горят…
М. Булгаков

Обклейте фотками стены:
От вахты и до арены,
Чтоб раскумарить в засос
Этот лукавый колхоз.
В музее таком пригожем
Только моей нету рожи:
Изъяли её мандат,
Как сломанный автомат.

Нельзя же так сладко, братцы,
На поворотах кататься.
Недалеко ваш судья –
Крест в облаках воронья!
Целуйте хоть в зад, хоть в профиль
Этих нейлоновых профи:
У каждого есть парашют…
Опять купола в мазут?..

На фотках висят, как груши.
Всё больше одни чинуши.
А где же народ-Спартак,
Без всяких там железяк?
И я вместе с ним – сермяжный –
(Без всякой яблочной лажи)
Стою посреди стола…
Эх, ма, была не была!

Казанский тем краеведам
Уже не трамплин к победам.
Уже на костях Христа
Построили порося…
И все молчат, будто рыбы,
И куркули, и барыбы…
Свинья та стоит в соплях
На взорванных куполах.

Вместо обители – сцена,
По чертежам супермена.
…Чтоб не тревожить гусей,
Сходите, друзья, в музей.
Здесь вам накатят в карманы
И киселя, и сметаны,
Посадят гуськом в паровоз
Меж бесконечных колёс.

P. S. А если по старине

На вороном на коне,
Лебедем, велосипедом
Или волшебным мопедом,
Спросите у коренной
Книгу – «Где-то там, за грозой…»

2023

Кстати, друзья мои, с этой книгой связана ещё одна история из жизни одного замечательного человека, которого с нами больше нет. Мой друг Володя Матвеев – спортсмен и патриот – в начале 90-х взялся собирать деньги на издание данной книги. Лично я об этом узнал лет десять спустя. Объехал он многих господ Кореек, ставших в одночасье хозяевами Каттегата-Лебечтитлана, однако никто не дал ни копейки. Сумма требовалась смешная, а ведь не дали. Читать книгу «Где-то там, за грозой…» они не могли, не могли сделать каких-то выводов, если бы ветер дул оттуда. Да и ветер этот был и есть нормальный – русский северный! Просто эти господа-товарищи книг не читали в принципе, что во времена оные было бы невозможно на соответствующих должностях. И при всём при том они козыряли этим позорным фактом, чему я сам первостепенный свидетель.

Владимир Матвеев был человеком иного склада, человеком с большой буквы, с характером и стержнем, грамотным и честным специалистом: присяге, данной один раз, он не изменял, кокарду на фуражке не перекручивал, старался говорить то, что думал, и в футбол с баскетболом замечательно играл. В институте ребята звали его Кэпом, т. е. капитаном. Ко всему прочему, мой друг служил в морфлоте и носил тельняшку под рубахой. А моряков, как известно, бывших не бывает. Так же, как и пограничников.

Книга эта была – огонь! Да и сейчас она как факел. Не зря же её местные архивариусы спрятали, наверное, обжечься боятся или порезаться. Оно и немудрено. А от этих док, как я уже уразумел, есть только два лекарства: крест и святая вода.

ПОЭТАМ ЛЕБЕДЯНИ

Друзья, поэты Лебедяни,
Дозвольте предложить совет:
Чтоб нам не блеять над полями
Не нужно гама и монет,
А нужен колокольный свет.
Чтобы тряхнуть перед народом
Словес трескучее руно,
Оставим тело за капотом,
А душу вывернем в окно –
Хлебать небесное вино…

Ну что же, мои могучие читальмены, «пора ударить автопробегом по бездорожью, разгильдяйству и бюрократизму», как говорил великий Бендер. Только с дорогами в нашем городе с недавних пор дела обстоят, прямо скажем, хорошо. А вот что касаемо разгильдяйства и бюрократизма – работы непочатый край. И автопробег наш сегодня не автомобильный, а литературный. Называется он «Шприц и якорь»! Для чего «якорь» и для чего «шприц», я уже говорил в начале нашего повествования. Как-то так…

ГОГОЛЬ ЖИВ…
(или «Ярмарка» 30 лет спустя)

Я пригласил вас, господа,
с тем, чтобы сообщить вам
пренеприятное известие: к нам
едет ревизор.

Николай Гоголь

Чудо-юдо: подмышки, запах.
День-деньской шелестит болото!..
И прожектов склизкая лапа
Из утроб таких дон кихотов.
Суетятся, как перед тёщей,
Говорильня, как сало в торте:
Лебедень, а не гусик тощий…
И-го-го в ковре-самолёте!

Культ…туризм уже на коняге,
И сосцами гарцует к дойке.
У Казанского – те же фляги
Тургеневской головомойки...
Кто не в теме, прочтите очерк
Заблукавшего «браконьера».
У троих адекватный почерк –
У Радищева, Робеспьера!

От сметаны здесь гнутся лодки,
Яблок наших – красна малина!..
Отчего же так тянет к водке,
Отставного гардемарина?
Не иначе Господь сподобит:
Путь укажет, насыплет соли.

У Казанского, сквозь киоты,
Он шагнёт на рубцы-мозоли.

И тотчас упыри-менялы
Прямо с паперти, прям с дивана!..
И бухгалтер, обняв кварталы,
Рухнет в омуты Иордана.
А с Казанской, да с колокольни,
Разольётся малина в уши.
По Дворянской – хмельные кони,
По Советской – стихиры груши…
…….
Мозгоеды друг за дружкой
Пьют водицу из ковша,
И порхает над кадушкой
Лебедёвая душа…

Если внимательно вчитаться в это стихотворение, многое можно узнать и понять про наши места. Здесь и история, и природа, и вера наша православная, и народ, которого в том музее не зги… Пробег наш поэтический, стало быть, друзья, надо головы включать, а не вёдра с колёсами. В головах наших те же винтики шуруповёртные стоят и крутятся куда надо, по кем-то отмерянному маршруту. И этот кто-то внимательно наблюдает за всеми правилами на пробеге от пункта «А» – рождение и до пункта «Б» – смерть! Поэтому повнимательней на поворотах, уважаемые земляки.

Однако прежде чем забуриться в наши повороты и кюветы, хочу проскользить по волнам моей памяти, вспомнить «Волю» и вольных моих пастухов в морских фуражках.

Второй мой сборник «Воля», который тоже составлял Панюшкин и не только составлял, ещё редактировал и рисовал рисунки, появился в 1996 году. Издал я его за свои, опять же, деду помог издать какую-то книгу, застрявшую в издательстве. Деньги тогда приходили понемногу, как я мог не помочь своему учителю и другу… Был я тогда предпринимателем, работать приходилось много и нервно. И вся эта предпринимательская история со временем куда-то ушла, ушла в никуда, где-то помогли, где-то сам оплошал. Остались лишь стихотворения и поэмы. Поэма «Воля», стихотворение «Ярмарка» и «Русь» и много чего ещё. Сборник был небольшой, но горячий! Казачий! Многие, кто его читал, думали, что я сидел. Нет! Не сидел! «Воля» – это казачий термин. И упор в этой книге был сделан именно на это, хотя, всяких тем в нём хватало, в т. ч. решетчатых… Эх, дороги… Приходилось много ездить по этим дорогам, приходили новые строчки. Но чего-то постоянно не хватало, как в той песне: «А я еду, а я еду за туманом, за мечтами и за запахом тайги».

После этой «Воли» наступил провал. То ли завертела меня предпринимательская куга, то ли ещё чего, но отошёл я от литературы лет на десять. Много раз пытался чего-нибудь накарябать – бесполезно. Ничего не шло, хоть тресни. Я всегда чувствовал строку, хотя меня никто этому не учил. Тут так: или идёт, или нет… Если нет, лучше не напрягаться. Панюшкин, опять же, состарился, от дел литературных отошёл. Встречались мы иногда за стопкой и разговорами. Позже, в поэме «Ангелы», я об этом рассказал. Иногда созванивались, но всё это было не то. Не тот коленкор! Не было вокруг единомышленников. Засыхал я, как подсолнух при дороге, где-то в районе Алексеевки…

ДОРОГА

По дороге по большой
Едет парень бороздой:

Теребит цигарку,
Слушая тальянку.
Много ль парню надо,
Ждёт его отрада –
Лишь чуть-чуть везенья
Детям на печенье.
Он ямщик бывалый!
Словом, верный малый.
На певучих шляхах
Выцвела рубаха.
Сонная дорога
Вьётся до порога,
И бегут берёзы
Следом, как матросы.
Значит скоро отчий дом –
Те же липы за окном.
…Будут литься тосты,
Как ночные вёрсты...

1996

Где-то в году 2007 от Рождества Христова, на юбилее у Панюшкина, познакомился я с Березневым Анатолием Тихоновичем. Дал он мне второе дыхание, что и говорить. Поинтересовался у меня насчёт произведений о Петре (первом). У меня ничего не было, но я сразу, в этот же день, пошёл к памятнику и осмотрелся: потрогал руками, подышал петровским духом. Пока ехал до дома, накидалось стихотворение «Памятник», которое я приводил выше. По приезде отправил его Анатолию Тихоновичу, включившего мой материал в «Петровские чтения».

Замечательный был человек, человек с большой буквы. Организовал в Липецкой области союз писателей «Воинское содружество», много издал краеведческих работ. Меня к этому привлёк. Попросил в Лебедяни отделение «Воинского содружества» организовать, что я и сделал. Я и до этого вёл общественную работу не хуже целого дома культуры и всё бесплатно, а тут такое предложение, пусть тоже за спасибо, но это как никак организация. Сразу пошли стихотворения и поэмы. Опять же, Березнев меня к ним подтолкнул. Задел он меня темой Куликова поля, дал материал – материал интересный и редкий. Он служил в областном архиве, ко всему прочему.

Тут же, со всеми потрохами, рухнул я в куликовскую тему, в ковыль у Непрядвы. Именно тогда видел я сон про Богородицу, о котором рассказывал в очерке «По старине и не только…». И сон этот, надо полагать, был вещим. Ведь события Куликовской битвы прошли под знаменем Богородицы, под её непосредственным покровом. И победа русскому воинству была дарована в результате заступничества высших сил, и никак не иначе. Много раз я бывал на поле, много читал летописного свода об этом событии, перечитал практически всю художественную литературу. Вся эта работа в итоге вылилась в две поэмы «Вечное Поле» и «Князь Фёдор». «Поле», ко всему прочему, получилось драматическим. Вывел я действующих лиц и сделал это, прямо скажем, неплохо.

После этого были книги «Берег», «Дом у берёз», «Развалился туман над Непрядвою», «Граница», «Инопланетяне». Две последние – прям кирпичи по 300 листов формата А-5. Прям как у Александра Дюма! Я вот думаю: «Как же я так смог?» В планах на сегодняшний день, собрать свои публицистические работы в одну книгу и издать в 2026 году. Десять работ есть, однако есть желание написать ещё одну… Хочу рассказать о берёзовой роще, в которой прошли моё детство и отрочество, и которая засохла на корню в результате прикосновения рук человеческих. Думаю, сварганить небольшое эссе – страниц на десять.

Однако… как тут угадаешь. В этой работе планировал страниц пятнадцать написать, а уже двадцать первая заканчивается, а материала ещё море…

В этой роще росли мы, словно толкачики, вместе с дворовыми парнишками. Среди них был и мой друг Юрка Калачёв. Я посвятил эту работу ему, узнав недавно, что Юрец, уже как лет семь назад, умер в городе Москве. А я всё думал: чего он ко мне не заходит?.. Книжек этот парень отродясь не читал. Стихов или ещё чего, вестимо, не писал и был от этого нескончаемо далеко. Просто был Юрий Калачёв надёжным человеком и настоящим другом, с которым и в разведку можно идти. А то, был у меня тут один приятель на джипе: пока ты ему нужен – он с тобой дружит, как перестал быть нужным – до свидания.

И что самое удивительное, человек, претендующий на кой-какое место под литературным солнцем и вхожим во многие кабинеты и не только литературные… Этот деятель, ко всему прочему, может со всей серьёзностью утверждать, что возможно прожить на 12 т. р. в месяц. Это как надо быть оторванным от народа, который к тебе ходит за успокоением и правдой! О какой разведке с такими кадрами может идти речь? Про таких тот липецкий критик говорил в своё время: «Если подопрёт, толку от них, как от козла молока». Как в воду глядел.

ШУБИН И БРЮНЕТ…

«Брюнет» – проныра и барыга –
Уже во фронте с четверга?..
Мы тоже там (но только тихо),
Штурмуем те же берега.
С тех рубежей каков глашатай –
Сегодня, уловив момент,
Вдруг объявил витиевато,
Что он один интеллигент?!

Откуда взялся сей Аттила,
Сей буреглазый ревизор?
В его тазу не хватит мыла,
Чтобы отмыть свой кругозор.
Потом в планшет и наш вояка –
В ту электронную дуду!
Ах, зачитала эта кряка
Компьютерную лабуду.

Банкуют интеллектуалы,
Блистают задом и умом.
Умом той курицы-гагары,
Что у Купавы над гвоздём.
Им не по сану бряцать словом.
Им по канону в авангард!
К чему в ДК черноголовом
Вещать, как нищий Бонапарт?

Нас агитировать не надо.
Наш слог один – «No pasaran».
Где Ваша верная лампада
И песни заспанных славян?
Стихиры штык забейте в трубы!
Стихиры пульс трубить в рога!

Спасибо Вам, товарищ Шубин,
За те пустые облака.
Спасибо Вам за эти звёзды,
За эту прелесть под Луной…
Всё те же грустные погосты
Под непокрытой головой.
Блефуют интеллектуалы,
Сплетая локоны сребра,
И, словно ловкие шакалы,
Ныряют в шубинский ДК.

Ныряй, ныряй – и не лампада!
Тряси ядрёною мошной.
Он много раз вставал и падал
На самой злой передовой.
Он был без вашего гламура,
Ладошек потных и блинов…
И залетала пуля-дура
В его бедняцкий часослов.

Он был совсем не академик,
Не этот вкрадчивый брюнет.
Он был – Карельский перешеек,
Он – этой Ладоги поэт.
Он вам не пара – это точно!
Он Павел Шубин, а вы кто?!
И потому седлаю срочно –
То, проходящее авто.

14.03.23

Много лет я ездил на Шубинские чтения в одно известное село, расположенное в ста вёрстах западнее моего письменного стола, и вот как всё это выглядело:

И снова на Шубина…
Седлаем, как водится:
Чернавск не Урюпино,
Купава, как Богородица…

13.03.2024 (21:10) утром в дорогу

Буквально в прошлом 2024 году местные устроители, уверявшие меня, что без меня эти чтения не чтения, называя меня вторым Маяковским (хорошо хоть не Бальмонтом), в марте этого года даже не позвонили. Обошлись без меня, стало быть. Я и не думал, что такие «актриски» есть в этом чернозёме! Им бы во МХАТЕ произрастать! В суфлёрской будке! А впрочем, они, возможно, и ни при чём. Кто-то из членов клуба «весёлых и находчивых» тихо и ненавязчиво порекомендовал меня не звать. И человек, отвечающий за проведение этих мероприятий, сразу исчез со всех радаров и подоконников, смотрящих в мою сторону. Вот она лживость всех этих зебр и коров… Само собой, не всего поголовья, а за редким исключением. Спасибо, красавицы! Я и не чаял! Спустили с небес на землю и не «Облаком в штанах», а охлюпкой на метле… Шубину поклониться, я бы и пешком пошёл, если б знал, что такое дело. Ждал до последнего, такси застолбил! В двадцать шестом так и сделаю, нагряну без приглашения, как дед Мазай.

Последнее время не перестаю удивляться всем этим жмуркам и спекуляциям. Мало того, что на кое-кого установили цензуру на отдельно взятой территории, так ещё и книгу поэм «Развалился туман над Непрядвою» верная изба-читальня отказалась презентовать читателям, сославшись на отсутствие людей и загруженность. Конечно, в этом городе полно авторов, которые по восемь поэм пишут и издают за свой счёт тиражом 20 шт.

О ПОЭМЕ «МОНАХ»

«Монаха» хочу продвинуть.
Дайте «Монаху» дорогу!
Бросьте горбом на спину
Цепи, дубьё и свободу…
В библиотечных дебрях
Ему потеряться просто,
Библиотечные зебры
Его накроют коростой…
…И завернут обратно
В какое смутное время?
Была у Минина правда,
А у Пожарского – стремя!
Был у монаха ножик
Рядом с крестом уставшим.
Он барагозился (Боже!),
Скрепляя знамёна наши.
Монах мой бредёт веками,
Обрубком лиловым машет…
И катится пред штыками
Его головушка дальше…

…Соединив обрубок с головою,
Читатель, познакомишься со мною!

Слов нет, коростой меня и моего «Монаха» накрыли. И не только коростой, но и цензурой, которой у нас нет. Да, её нет в нашей стране, но не в нашем улусе. Иначе как понимать, местный журнал меня не печатает 14 лет, любимая газета – 7 лет. Статья о Замятине «К 30-летию издания романа «Мы» в России» лежит в сундуке у главкома местной газеты с 2017 года, хотя она была давным-давно напечатана в литературном журнале «Берега» из города Калининграда (№1 2020 г.). Или очерк «По старине…» лежит в том же месте уже два года. Этот материал опубликован в журнале «Приокские зори» (№1 2024 г.)

В том же сундуке по улице Советской лежат мои очерки «Орлёнок», «Задонск», «По старине и не только…». Все эти работы являются краеведческими! Все эти произведения глубоко патриотичны и актуальны! Меняются режиссёры, гардеробщики, но в этой трясине не меняется ничего, к сожалению. Полный застой с показухой! Когда ускоряться будем, ребята? Я не гордый, переживу, просто хочется, чтобы земляки почитали непричёсанные материалы. Почитали настоящее краеведение. Опять же, за державу обидно. Почему калининградцы или туляки читают наш материал, а лебечтитланцы – нет?! И ты ничего не можешь сделать, вот что удивляет. Однако не всё так безнадёжно, я могу, в конце концов, взять и написать своё мнение, что я и делаю…

Кстати, литературные зебры и ослы, взращённые на замятинских яблоках и булгаковском «маргарине» от Маргариты, всегда паслись в этих местах среди стеллажей, сундуков и короедов. Вестимо, не в таком количестве, как сегодня. Их тучные стада,

ожиревшие и отупевшие от этих деликатесов, мигрируют в заданных пределах не понимая, чего от них хотят. От этого, наверное, их кругозор не распространяется далее Тяпкиной горы. Притулился, стало быть. Опять же, если встать на самый край этой горы, то можно убедиться, оглянувшись окрест: Край наш благодатный и солнечный, населённых по большому счёту хорошими и праведными людьми. И так было всегда! А впрочем, если кому угодно, употребив волшебных деликатесов (наподобие того крема) градусов за шестьдесят, можно с той самой «тяпки» и до Китая стартануть белым лебедем. Не хуже самой Маргариты Николаевны…

В 2017 году ушла из жизни Татьяна Владимировна Новожилова – замечательный человек и большой патриот. Вот она была настоящим журналистом! У неё, в отличие от сегодняшних доморощенных трубадуров на доплате, было своё мнение по тем или иным вопросам. И никакой цензуры для авторов местной прессы не было бы и в помине, если она была сегодня жива. И это не только меня касается. Такие, как она, сейчас на Донбассе погибают за нас с вами. На них идёт охота по всем правилам известного искусства. Однако у нас здесь, на этаже, свои порядки… Осталась одна Переверзева Марина Владимировна из настоящих, которая пытается осушить это болото… Литературные работы по дренажу заявленной территории продолжают падать в тот сундук. И не только мои! Ларь этот уже переполнен, надо полагать, даже крышка не закрывается…

Мне не хочется выражать своё видение ситуации таким образом, как написано ниже, хочется писать о прекрасном, о небесах, плывущих в никуда или о любви неземной, как делал это мой приятель Леонид Николаевич Ширнин! Все эти колючие тексты – это моя защитная реакция на окружающий меня МАССОЛИТПРОМ, вечно живой и сытый… Булгаков – жив!

ЗАМЯТИН И РЕДАКТОР

Он статью написал и отнёс в «Тру-ля-ля»,
А Главвред не повёл даже носом.
У него в сундуке, с буквы А и до Я,
Целый том и других альбатросов…
В сундуке том полно голубей и орлят,
Лебедей, пожелтевших в неволе.
Тот ларец стережёт как бы Понтий Пилат,
Наторевший в стишках и бейсболе.

Удивился пришелец такой темноте:
Ведь герой – сам Замятин Евгений.
На обоях он рядом – везде и нигде –
Неприкаянный гвоздь поколений.
На Покровской опять весело от лампад:
Снова «Мы» под Казённой горою.
У Главвреда есть стул, есть статей лимонад
И строфа с сахарком и халвою.

Нос по ветру держать научился давно,
Только здесь оплошал недотёпа –
Это ветер вселенной, этот ветер – вино,
Это ветер Второго Потопа.
Продырявив очки, сказанул буквоед
Ходоку с письмецом неотложным:
«Я статью твою, братец, сожрал на десерт
С остальным реактивным пирожным.

Отчего этот жор?! Объяснить не могу
Даже самым ответственным матом.
Да, Евгений! Но он на другом берегу
Со своим внеземным аппаратом.
Век поэтов взойдёт на горбах ЭВМ
Чрез 500, может быть, или с гаком!
«Мы» – не мы, потому что живём без поэм
На планете самих Зодиаков.

И Булгаков, который здесь Мастера рёк,
Не сосед для такого застолья.
Пишем вдоль мы, затем пишем мы поперёк
На мясистых брегах лукоморья».
Делать нечего… дверь: объяснили путём –
По науке и без апперкота.
Только вот, как назло, прошуршал за окном
Как бы хвост от того звездолёта.

Неужели за рамкой мелькнул «Интеграл»,
И с надеждой в наш люк посмотрел Адмирал?..

Удивляет ещё вот что: преклонение наше перед столичными подмастерьями. Не пред мастерами, а именно подмастерьями, возомнившими себя прозаиками и поэтами чуть ли не мирового масштаба. А кое-кто философами уровня Флоренского, которые живут на 12 т. р. в месяц. Этого гуру в наших краях давно не слышно. Это он ко мне приезжал, когда нигде востребован не был, а сейчас другие времена. Приезжих хануриков от литературы в здешних местах одно время было хоть отбавляй. Чуть ли не каждую неделю наведывались. Да и сейчас бывают, в газете о них пишут, фотки предъявляют, на которых они вместе с нашей молодёжью серебряной во всей красе бородами трясут. Только из этой молодёжи никто почему-то в армии не служил. Все такие прилизанные, фильдеперсовые… Окормляют, стало быть, молодёжь нашу. Однако настоящая наша поросль сейчас на тракторах и на танках гарцует, а ещё в цехах заводских упирается с томиком Есенина за пазухой и в душе.

И все эти гости из будущего учить нас пытаются! Спасибо за науку, господа! Только у нас тут своих учителей хватает. Полковник с подполковником так вас научат, разини… И это вам никакие-то там расслабленные, а самые настоящие сусанины… Слог их крепок и твёрд, несмотря на возраст! Скоро мы опять объединимся, вот тогда устроим вам «кузькину мать», п.дики вы шестистопные. У нас тут пролетариат и армия хорей поднимают, да ещё театр без дураков есть. И мы говорим именно про хорей, про размер поэтический, а не про предмет на букву «х» (хвост!), потому что этот размер, опять же поэтический, соответствует нашему мировоззрению и ареалу проживания, люди мы веселые и простодушные. А ямб ваш фиговый годится лишь для фестивалей липовых и проплаченных в нужную сторону. Это у Пушкина ямб был настоящий и у Маяковского, которые звёздной болезнью, в отличие от вас, не страдали. И все вы трётесь возле этого фонда, возле кручёного феномена – этого хранителя «сала», который умудряется всех дурить через расстояния и тучи. Нашли вы друг друга. Для непонятливых, термин «хорей» – это как хот-дог. Только наоборот… Вверх тормашками.

Кстати, у нас ещё один краевед есть, краевед каких поискать – с камнями разговаривает, рекомендую познакомиться. Насыплет он вам в ваше ямбическое дырявое лукошко настоящий лебечтитлановских фразеологизмов – «опят» и «подберёзовиков». Если кто не знает, что это такое, поройтесь в словарях. И это будут чистые факты,

краеведение с моторчиком, после которого полетите вы отсюда, импотенты ямбические, на все четыре стороны. И желание сюда приезжать у вас, само собой, улетучится, как улетучился один ваш деятель, рассказывающий мне сказки про наш культпросвет. Маниловщина в квадрате. Так заливать не каждый отважится. Быть может, ему его консильери напели, которые контролировали каждый шаг своего шефа и, видать, дурачили по полной программе. По началу он показался толковым, однако сломался под натиском наших Барыб. Эти Барыбы со времён Замятина процветают на этих чернозёмах. Бороться с ними бесполезно и накладно. Есть один способ – не замечать их присутствия!

«У нас тут и литклуб есть, и литературное кафе», – говорил мне тот сибирский паренёк сравнительно недавно, водрузивший сцену на кресте и отчаливший в неизвестном направлении, под «фанфары». Только мне не надо было рассказывать, что у нас есть, а чего нет. Это вы можете очковтирателям культ…торгам напеть, а меня не проведёшь. Да, клуб когда-то был, но забюрократился, и содружество моё туда же. И я сам стоял у его истоков. Но чтобы кафе? Быть может, он с рестораном «Дон» перепутал?! Лет тридцать назад вполне приличное место было, с туалетом на улице… Можно в любой пивнушке книжек по лавкам раскидать – Пушкина, Лермонтова, Достоевского, куда ж без него, и показать приезжим комиссарам на этот всеобуч. Ещё пивка им без очереди нацедить. И будет у тебя в городе литературное кафе – так напишут газеты. А если газеты или компьютеры написали, то лучше не спорить. Так оно и есть! Чёрное – белое! Белое – чёрное! Кстати, когда у нас начиналась эта литературная пандемия с Литературным клубом и прочими аксессуарами, у нас и люди были, и молодёжь, и даже свой альманах «Ямбъ» №1, Фестиваль Замятинский несколько раз проводился, была поддержка… Потом всё обюрократилось и местами зазвездилось. Прилетели «инопланетяне». «Ямбъ» №1 так и остался первым и последним!

ФЕСТ НЕ ФАУСТ! ЛЕБЕДЯНЬ НЕ ПАКГАУЗ!

Щипачи-графоманы –
Лебедяни карманы!
Вновь из Липецка гости:
В дурака али в кости…

Вы, ребята, потише –
С бородами, как мыши.
Здесь у Пушкина – прелесть,
У Игумнова – челюсть…

Тут почти что на вилы –
Либерала-темнилу…
Сей вампир институцкий
Знает танец французский.

Ну а ваша принцесса?..
Как её? «Поэтесса»?!
У нас всякая шкеть
Может также дудеть.
……
А про танец в тот год
Вы спросите народ:
Как ломился сохатый
С тем венком за канаты.

Показуха – она –

Не бывает одна:
Без фасада и кадра,
Без честного театра.

Не пора ли в «ура»
Всем зайти со двора?
Так везде у нас нынче,
Как Пеле и Гарринча.

Этот Пушкин, друзья,
И мои паруса,
А Игумнов ночами
Бродит меж этажами…

Инда ищет спасения
От французского пения?..

Вот наши реалии, друзья, – Пеле и Гарринча! Пеле и Гарринча – это богатство и бедность. Вот вам французское пение и кино, французский туннель как у графа

Монтекристо, ведущий в святая святых… Дальше сами можете прочитать – куда. И его, туннель, никто не рыл ложкой. С центрального входа, которого нет, у них всё нормально для показухи приспособлено. Для фотографирования! Ну что ещё можно сказать об этих «эскулапах», об этих врачевателях человеческих душ. Реклама с настоящего входа говорит сама за себя. Это надо же такую карикатуру на народного поэта нарисовать и на себя тоже, и где?! Они даже не понимают… Ещё и деньги за всё это получают из каких-то там кошелей. Таланты, одним словом. Через этот вход, наверное, они своих дружков водят, чтобы послушать их плач или другой какой есть? Да, ребята, такого даже в Гондурасе не увидишь… Круто! А Александра… Александра Сергеевича как изобразили? Будто живой!.. Только пистолетика не хватает, однако об этом уже сказано выше. Так и думается: сейчас она ему как с правой мочканёт, он за угол и нырнёт с тросточкой, аки Паниковский Михаил Самуэлевич. Только не поскользнулся бы на анализах…Вот такие у нас пейзажи в ходу. И ни где-нибудь, а в самом культурном учреждении города. «Позвольте, а какой это град, – воскликнет какой-нибудь шахматист, – Нью-Васюки или Арбатов?» «Черноморск!»

И такие люди у нас правят балл! Ну где ещё такое возможно? Друзья читатели, я вам сейчас своего Пушкина представлю. Не хотел работу удлинять, но просто за державу обидно. И такие люди у нас в почёте и наверху. Печатают их опусы, дают им финансирование. Что происходит? Мне никто ничего не даёт, мало того, наложили цензуру по всем направлениям. Вот мой Пушкин для сравнения… Пусть эти слабаки так напишут! Эй, бородачи, покажите что умеете? Или ваши подружки, графоманствующие на болоте… Ау!..

ПУШКИН

Он самый русский — не брюнет... Поэт!
Он вечно в бурях на лихой пирушке...
Всем Черноморам он поныне свет,
Наш Александр, не Македонский, – Пушкин!
Поднял он знамя западных славян,
Поднял он знамя всех славян полночных.
Он, как тайфун, как вольный ураган,
Строкой рассёк доспех Ближневосточный…

Руслан, Людмила, Всадник и Борис… –
Вся эта песня до конца не спета.
На запятой отчётливо повис
Очередной отъявленный Мазепа.
О, Александр — уже за шестьдесят,
Но также скор у этой колыбели!
Как и вчера, твой прогремел набат
Вдоль нашей неуклюжей параллели.

В полночных странах знают наперёд:
Мы долго запрягаем по утряни,
Но верно мчим – не задом наперёд,
А как стрела в худеющем колчане.
Тогда держись Мазепа или сэр,
Наполеон, кощеи и квакушки...
У нас есть Пушкин, а за ним в карьер

Летят незацелованные кружки...

Он добрый малый – дивный Горбунок.
Он был любим, и сам любил без сдачи!
Но если что, Руслан уже отсёк
У колдуна бродатую удачу.
С небес ли грянет иль из-под коры –
Сподобится под самые румяна.
С ним Елисей и те богатыри
Из царства достославного Салтана!

Повествование наше продвигается к концу, однако есть один вопрос, требующий безотлагательного и непременного вмешательства. Пришла пора высказаться до конца, до самого донышка. Безусловно, чтобы этот шаг сделать, надо вернуться во времена позднего Панюшкина. После того как дед-Панюшкин состарился и потерял влияние на всяких графоманов и литературных маргиналов, состарились и «ШШ». После них писательскую организацию возглавляли наши дамы. Я ничего не могу сказать о них плохого, да и говорить нечего, отошёл я от дел, о чём говорилось выше. Скажу только, что приглашения на собрания Липецкой писательской организации приходили постоянно, по почте. Значит, дисциплина была. МАТРИАРХАТ – наше спасение, убеждаемся ещё раз!

В конце нулевых, ещё до моего знакомства с Березневым, отнёс я свои карябки Тамбовской Александре Ивановне, чтобы кто-то посмотрел свежим взглядом на моё письмо, засохшее под предпринимательским солнышком. Совсем тогда муторно было на душе, что-то рвалось наружу и застревало где-то под сердцем. Это был период польшинского молчания, не путать с «Молчанием ягнят». Немного мы с ней общались по лебедянским темам, но это было раньше. Она тогда работала в Детской библиотеке, которая около драмтеатра располагается.

Недельки через две пожаловал я за ответом, за рецензией, стало быть, на автомобиле и в итальянских очках. Ну и получил я по полной программе в этой рецензии, даже очки запотели. Я, само собой, взбеленился, начал возмущаться, прям как Киса Воробьянинов в том фильме. Народ библиотечный сразу притих и попрятался. Однако сегодня хочу поблагодарить Александру Ивановну Тамбовскую за честную рецензию. И прошу извинить, хоть и задним числом, если чем обидел. Хорошая, конструктивная критика ни одному автору ещё не мешала. Повторюсь – конструктивная! Подстегнула она меня тогда здорово, тут и Березнев подоспел с Куликовым полем. Я не знаю на сегодняшний день большинства членов Липецкой писательской организации, но А.И. Тамбовскую я знаю и уважаю. Она настоящий поэт и лирик! Липецкая Ахматова, и никак не иначе… И по мобильным телефонам или планшетам она никогда не читала, в отличие от сегодняшних литературных балаболов. Только Сергея Порфирьевича Панюшкина она почему-то забыла, который ей всегда помогал. Или я ошибаюсь? Рубите мне тогда голову, господа опричники…И он, кстати, очень переживал, что Саша Тамбовская не звонит. Именно Саша! Про какую-то картину всё вспоминал…

Время летит! Ушли Панюшкин, Березнев и остальные. С Корольковым Михаилом Ивановичем установили мы мемориальную доску Сергею Порфирьевичу. С доской пришлось повозиться как следует. Различные согласования и собрания, изменения и т.д. Корольков все эти вопросы контролировал и проталкивал. Одним словом, доску мы с ним установили. Парень, который саму табличку устанавливал, узнав, какому человеку она предназначается, денег не взял. Никакой помощи ни от кого не было. Однако на открытие собрались все, кроме «батюшки». Больше всего мне понравился один «зицпредседатель». Из уважения к его должности, я не стал подходить на сброс покрывала с виновника торжества, доверив этот фокус нашему уважаемому гостю. Думал, пришёл, уважил, оторвался от дел! Он, значит, покрывало сбросил, промямлил пару слов и отчалил восвояси,

не потоптавшись ради приличия и пяти минут. Отбыл номер! На фотку этот голубой пиджак попал, в отличие от меня, который потом два часа горло выворачивал без микрофона на улице 8-го марта. По сей день гланды болят!.. Ничего, за Порфирьевича можно и душу порвать, такой это был человек. Моряк! И я в душе тоже из флотских, как ни крути.

Наверное, в 2013 году известную писательскую организацию возглавил чёрный человек… Черняв он был не только нарядом, но и душой. Да, видать, правду люди говорят про число 13. Начали мы, как водится, за здравие, а кончили, батеньки, за упокой и никак не иначе. Постараюсь объяснить, почему так произошло. Какая собака его потом укусила за одно место или кафтан, я не знаю, но всё изначально было по человече и по уму…

Были изданы литераторы, которые долго не издавались, в т. ч. и я – книга стихов «Берег» (2015)! Пошла литературная работа. Я и так один за весь районный бомонд мог управляться, а тут такая подмога. Но что-то было не так с этим парнем. И так мне показалось ещё тогда, у Панюшкина, в последние дни. Во время моих приездов, пусть и не таких уж частых, он ему постоянно звонил. Может быть, нас хотел познакомить. Сейчас уже не узнаешь. Однако при мне он ни разу не дозвонился. Панюшкин тогда заглядывал в языческие, доисторические времена. Искал, на мой взгляд, ответы на вековые вопросы и засады.

Только, как я потом уже понял, этот человек не дал бы ему никаких советов по этим временам. Не потому, что ему некогда, а потому, что он не знал этих ответов. Он с виду такой умный, а на самом деле, при внимательном рассмотрении, туповат, даже в теологических вопросах. К Порфирьевичу на отпевание он опоздал, на кладбище не поехал. Всё как-то странно. Помню, попал я вместе с ним в одну избу-читальню, там проводили вечер в память об одном липецком писателе. Тоже великом! Они там через одного все великие, как и в Лебедяни с некоторых пор…

Ну так вот, не помню кто, про Сергея Порфирьевича какую-то ерунду сказал, и все начали смеяться, само собой, над дедом, в том числе и мой сосед. Я, недолго думая, встал, вышел перед очи, прочитал несколько стихотворений и протрубил, что нехорошо над умершими смеяться. Уточнил, что на небесах все уравняются, если что было не так. Загалдели они на меня, аки грачи. Не понравилось ребятам. А мне они не понравились ещё больше, так что я развернулся и ушёл. Приятель мой меня уговаривал, что этого делать нельзя. «Нет, ребята-демократы, только чай». И я покинул помещение… Быть может, мой спутник на обед пошёл, который был запланирован по окончанию чтений?..

Пробыв пару лет главкомом нашей конторы, наш «братушка», выбранный нами на всеобщем курултае, вдруг взял самоотвод и назначил вместо себя никому не известного человека. Сказав о нём, что это талант и отличный парень. Тоже, кстати, бородача. Теперь у нас есть бородач №1 и бородач №2. Никто этого господинчика не выбирал, лично я его в глаза никогда не видел и не слышал о нём даже запаха… Что ж, хороший, значит хороший. Лично мне было всё равно. Однако прошёл год, прошёл второй и третий с четвёртым, от нового босса никаких известий. Ни собраний, на которых можно было по столу хлопнуть аля Шестопалов. Никаких тебе ответов по поводу издания книги, а у меня был «Дом у берёз» на подходе. «Нет денег», – один ответ по телефону. Немного погодя узнаём, что средства на нашу ораву исправно отпускаются, и средства немалые, даже по сегодняшним временам. Как так? (Друзья, я не собираюсь тут проводить никаких очных ставок и никакого следствия – это чисто мои мемуары и только так. Я всегда был честен со своими читателями и мне поздно меняться или переобуваться.)

Выясняется, что наш бородач №2 взял себе в помощники бородача №3, и эти две подружки уже как пару лет классно отдыхают. Катаются по стране, летают на аэропланах, издают книжонки. Короче говоря, всё хоккей у ребят! Зачем им какие-то писатели, особенно на районе. Окружили себя подпевалами, которым метали кости с барского стола, а как иначе? Иначе сместят, хотя их никто не выбирал.

Со своим бывшим патроном мистер №2 вошёл в пике, и они оба покрыли себя неувядаемой славой. За такие обвинения, которые упали в шапку бородача №1, во времена

иные вызывали на дуэль. Наш парень в «спецодежде» думал, что оставил себе покладистого приемника, который будет все делишки обтяпывать, а тот поумнее вышел. Не рассчитал маленько. Как мог «Акела» так промахнуться? Ведь он «зицпредседатель» многих контор и фондов, всяких премий и прочего хлама. Короче говоря, всё прошло без рукоприкладства и печатей на затылках. Если не считать одной кляузной статейки в некогда уважаемой газете. Кстати, дед-Панюшкин моё стихотворение «За Борисов, за Глебов…» в начале 90-х там печатал. Православное и мною любимое произведение с глубоким смыслом. Была нормальная патриотическая трибуна, а сейчас эта газета превратилась в липкий листок, исходя из того материала, который я лично в ней прочитал.

Дело в том, что в этом опусе был затронут и я. Автором этого гениального сочинения оказался наш любимый бородач №2. Про меня он упомянул, что я громче всех кричал в сторону «оппортунистов» (это слово взято из статьи вместе с кавычками)! Я и не отрицаю. Меня спроси хоть 100 раз, я отвечу также! Дело в том, что, снявший с себя полномочия «батёк», по-видимому, прозрел и решил устроить «революцию» или «бунт», как кому будет угодно. Решил пригласить сюда на разборы товарищей из ЦК, естественно, в кожанах и переизбрать своего уполномоченного. Только эти уполномоченные кожаны никуда не поехали и телеграфировали, что, мол, ребята, разбирайтесь сами.

Собралось нас, стариков, человек одиннадцать или тринадцать. Один какой-то, помоложе (тоже с бородой), не помню фамилию, метался туда-сюда, как лапша в проруби. Написали мы бумаги в свой «жэк», всё чин чинарём, только бумагами этими подтереться, да и только… Что в итоге и произошло на золотых столичных приспособлениях… Золотые они не от драгметаллов, а от перьев, которые туда строгаются. И перья эти не гусиные, а с печатями Алексея Максимовича Горького… А перьяносцы сидят по своим углам и чуланам, кропают без отрыва от производства, не ведая, что происходит.

Однако пора вернуться к нашим баранам… Когда мы совещались, стоял за дверью один наш приятель, он, наверное, и стуканул, как говорят в народе. Да, голос у меня, что надо. Недаром Чернозёмные актрисы меня с Маяковским сравнивали. На Тракторном, видать, слыхать было. Опять же упомянул этот автор про мой диван. Да, каюсь, люблю я свой диван, особенно когда после двенадцатичасовой ночной смены его оседлаешь. Ещё люблю футбол ФРГ – Нидерланды (финал ЧМ 1974 года) и Суперсерию СССР – Канада (1972 года). Раз по сто смотрел и на всё том же диване! Однако вам, мамбы брадатые, этого не понять, потому что в цехах вы отродясь не впахивали, вдоль которых даже мухи не летают.

Кстати, я в эту газету несколько раз отправлял материал, как у нас дело было! И который, согласно их кодексу, они обязаны были опубликовать, коли, как они утверждают, стоят за свободу слова и равенство между писателями. Написали мне, что мой материал принят, и на этом всё – демократия по-ихнему закончилась.

Ну я же должен был как-то отреагировать, ведь я же не ношу бороды, и мне скрывать нечего. А как я могу ответить? Правильно, мои бриллиантовые читальмены, взять перо и бумагу. Как Пушкин Дантесу! И вот что у меня получилось.

О САМОКРУТКАХ…

Платон мне друг,
но истина дороже.
Сократ

1

Подстригся – завтра разговор:
Зовёт писательская брага.
Давно пора отмыть позор
С распятого архипелага…

Я житель твой и твой кирпич,
Я ручеёк, цвет акварельный,
Союзник всем и чья-то дичь
В минуты грусти и сомнений.

Из девяностых я, из той –
Плеяды голосов народных:
Паню́шкин-дед и Шальнев-вой
Нас принимали беспогонных.
Собранье муз, ответь, «союз»,
Откуда взялся дух поганый:
Дымишь, как тот Экибастуз,
Заполоняя океаны?

Я почернел и сам душой:
Душа – она к обману ближе.
Лицо отмыть – пустяк какой,
Нутро… Как будто кто-то вышел.
Опять донос, опять навет,
Как чемпионы, входят в моду.
Спустить бы этот туалет,
Но жаль притихшую природу.

Придёт ли главный графоман
И эта «звонкая» бригада?!
К ним липнет всё… Такой шарман
В дерьмо бултыхнет, коль зарплата.
Не разобрать их сразу, нет:
Залезут в душу с бородою.
Что делать? Кто отдаст совет?..
И мы в затылок за тобою.

……
Примчал, аукнул: «Где бомонд?
Где основные самокруты?!»
Иногородний есть аккорд!
…Дымят в засадах барракуды…
Им водрузили калачи
Отпетые бородачи…
Апологеты гламурные –
П.дики литературные.

Зря стригся, зря развеял пыл?
Нет: был Народ и кворум был!

2020

P.S. Увы, два года, как квас…
Одурачен Парнас!

2022

2

Тот ас не Новиков-Прибой –
Всего лишь первая поэма,
Как свитерочек голубой,
Как телепузик из гарема.
Не патриот и не пиит –
Сексотов смежные повадки.
Он мог писать, теперь висит
Мишеню правильной рогатки.
Сегодня встал с дивана я
И наступил в какой-то «цимус»:
Та бородатая змея
Дымит ВКонтакте, аки примус.
Не сплюнет даже, не сморгнёт –
Бумага знала не такое!
Вот мой ответ! И на живот
Я повернусь для водопоя…
Сей анекдот не с бородой:
Сквозь Липецк много лет, как мыло,
Скользит проплаченной женой
(И так… походочкой пингвина)
Мужеподобная Мальвина.
Кусает всех туда-сюда –
Людей хороших и не очень.
Ответь, «союз», где лепота
Тех шальнескулистых обочен?
Всё с «батюшки» пошло не вдруг
(Он ниндзю съел по маскировке).
А у Купавы сел петух
На наши славные винтовки…
Лети, петюня, в сокола!
Долби клешнёй те дымоходы…
А мой диван в колокола,
В те шальнескулистые броды!

04.08.23 (18:30)

КОНЕЦ ФИЛЬМА

В этом фильме без изображения есть всё, главное – в нём наблюдается, как говорил Евгений Маркович Скоблов о моих поэмах, эффект присутствия. Тут и про Бориса Михайловича Шальнева сказано и сказано неплохо и по правде! И что удивительно, не успел я этот материал разместить ВКонтакте, как прилетел приветик от моего другана под номером два. Видать, просматривали меня исподтишка, демоны, вострили свои бородёнки плешивые. Назвал он меня в своём послании «графоманом» – это, как водится, в таких случаях. Только ответил я ему, что не «графоман» я вовсе, а ГРОФОМАНИЩЕ, коль он себя увидел в этом тексте. Там нет ни одной фамилии, чёрт возьми. Хорошо написал, так получается! Спасибо за признание, болван.

Так я ему и ответил в сообщении. Год назад были вместе на одном чаепитии, за одним столом сидели, из одной миски ели бессмертный салат оливье. И говорю я ему: «Смотри, борода, вчера мы с тобой собачились, а сегодня из одной миски лопаем». Посмеялись, только и всего… Мне-то что, а ему не до смеха: со всех постов сместили, из союза выперли за язык, ходит за своим бывшим «зицпредседателем», словно поросячий хвостик. А тот,

бородач №3, гуляет Барыбой, будто ни при чём. Моего соседа по столу мне даже жаль стало: они его из своих поездок культпросветских выкинули. Я ещё у одной «стюардессы» из ихнего экипажа незадолго до этого поинтересовался, куда они своего недавнего босса задвинули и где слили в водопровод? Ответа я, как водится, не получил. Привычная картина в писательских рядах. Парень этот, бородач №2, совсем неплохой автор, на мой взгляд, со своим слогом и пером. Я его немного читал, и мне понравилось, как он излагает.

ШПРИЦ

Шприц бандар-логам в квас!
Эй, ходя, ходь, щекастый.
На прививку ПАРНАС –
В каждой щеке пиастры.
Надо ещё доплыть
До золотого стойла.
Эта река не Сить,
А болота Подонья.

Вход сторожит старик –
То ли Кощей, то ли демон.
Платишь на входе стих,
А на выход – поэмой!
Если нету, сребром
С каждой облезлой почки.
Друг твой стоит с ведром,
Впрочем, ещё цветочки.

Зицпредседатель «Фунт»
И МАССОЛИТА звенья…
Глядь, уже прут в закут
Графоблудов поленья.
Или какой султан,
Словно Лабутя «Снегин»,
Про Нерчинск и Ляоян…
Бородатый Онегин!

Был он и там и сям,
Клал бакенбарды в каску…
…Завтра ты в мой диван,
Как из Луны в Аляску.
Инда солнечный диск
Облобызаешь задом.
Эй, драматург, окстись –
Шприц твой торчит булатом…

Слышал приказ: «Не врать!»
Лишь ошибаться можно.
Скачет диван-кровать
За тобой неотложно.
Всё норовит урвать
Стул твой без подогрева.
Эй, борода, кровать…

МАССОЛИТПРОМ налево.

P. S. Уж пора шприцевать –
Очередь до Китая!
Есть эликсир «Не врать» –
Давим, шприцы ломая.
Тут как с окна пожар:
«Я же сказал – БРОДАТЫЙ!
…Здравствуйте. Санитар.
Прямо! Без шаровар!»
(Год вступления санитара 1995-й…)

апрель 2025

Также я не получил никаких приветов от своих чернооких фиалок, которые меня на 100-летие основного офиса собирались приглашать с книгой «Развалился туман над Непрядвою». И было это буквально за пару недель до Шубинских чтений. Испарились, как каравеллы в тумане. Сущность человеческая не меняется. Гоголь – жив! И Замятин тоже. Про Булгакова и говорить нечего – на каждом шагу…

Зато мой бывший приятель, проходивший по нашему делу под грифом – бородач №1, неплохо себе устроился. Стал каким-то там референтом: залез за пазуху чёрной мамбой, стало быть, и туда. Только чего этот змий по мобильному телефону свои стишки читает, хотя бы постыдился. Посмотрели бы на него его хозяева, которых он в очередной раз облапошил. Памяти у него нет, что ли? Нет, совести! И потом, эти особи очень злопамятны и быстры. Чуть зазеваешься, а он уже в тебе сидит и жрёт твою селезёнку.

Меня мучают смутные сомнения, что вся эта история с «бунтом» была разыграна им с самого начала, как по нотам. Дополнительный союз с расчётным счётом, свой личный, он оформил в Счётной палате, а для этого нужны были люди, такой же я и другие джентльмены. Только я недолго у него в пристяжных ходил, да он и не переживал, отпустил на все четыре стороны. Такие люди ни о чём не переживают: людей использовать – это целая наука, а с себя, как с гуся вода. Иезуит, одним словом!

***

«Серебро слов» –
Гроб кандалов…
Настоящий стих –
Он пиратский бриг.
«Маяковский»

Рябину он продал – Князь!
.дом наполнил бидоны…
Загранка она, как квас,
Аборигенов кальсоны…
Нет под рубахой креста –
Цельный брутальный коготь.
Ерёма, иди сюда –
Вирши твои под ноготь.

Гамлет – 8-ой аль 7-ой:
Еле-еле, душа в теле!
Наверно, всегда живой
Ной… или Пугач в метели?
А впрочем, довольно врать –
Дьячок из семейства топов:
Истинный Понтий (опять?!),
Йодом кормящий холопов.

Не Ной он, а поп в «поэте»:
Ищет культуристых леди,
Коим Есенин – трактир…
Он же танцует весь мир –
Литературистый педи…
А кто он – спросите Вы,
Если случится отбиться?
Вампириус без головы:
Икает твоя спица

Четверостишьем. Увы…

(Педи – племя аборигенов в Африке со своими первобытными культами)

Книгу «Дом у берёз» я в итоге издал. Мэр нашего замечательного города, с согласия депутатов, выделил мне сумму, которая была перечислена в издательство. Спасибо ему за это. Сейчас и пяти тысяч не дадут, не то что вчера… Высоцкий – жив! Любил мэр Володю, да и как его не любить. Один «Як-истребитель» чего стоит. Сделал наш градоначальник барельеф Высоцкого Владимира Семёновича и много чего ещё. Благодарим! Есть у меня пара текстов о Владимире Семёновиче. «А песни?» Песни о другом.

«Нам песня строить и жить помогает», – эти слова из песни Утёсова можно смело применить к творчеству Народного коллектива ВИА «Казачий разъезд» из города Данкова Липецкой области. В Данкове, по идее, им давно памятник надо поставить. Сколько они добрых слов сложили и спели про свой город и край. Есть такая песня у них «Данков». Очень она мне нравится. Когда слушаю её, слышу дух русский над Диким полем, и никак не иначе, свистит он стрелой калёной навстречу ворогам и сомнениям… Скачут богатыри русские – казаки задонные полем Куликовым у Непрядвы-реки, и кругом она, Русь-матушка, до самого бесконечного небозёма. И вот уже расступается ковыль-трава перед всадниками, и уже летят стрелочки глубокие вослед агарянам полуденным, от ужаса измельчавшим. А вдали на пригорочке стоит войско несметное в доспехах блестящих, на солнце поющих! И над этим морем зерцал и копий реет стяг Спаса Нерукотворного величиной с хорошую тучу, багровый и густой. Немного впереди этой силы возвышается ЧЕЛОВЕК роста великого с посохом в руке. И говорит этот странник громовым голосом вслед стрелам огнедышащим: «Кто за кровушкой к нам, тому молний колчан, а коль с добром эти головы, мёд в шелома ратиборовы. Будет пир на весь мир: поршни, лапти до дыр!» Присмотревшись и согнав пелену с глаз долой, увижу на возвышенности храм преподобного Сергия Радонежского на Красном Холме с зелёными маковками под весёлыми тучками. Поле Куликово!

Одно время я сотрудничал с ансамблем. Впрочем, как сотрудничал: написали они на мои слова около двадцати песен. Можно и сто написать, но зачем? Я же не продюсер какой-нибудь. Так… для души. Спасибо им за это! Песни различной тематики: военные, православные, о любви, спортивные. Много песен о Лебедяни. Этот город занимает особое место в моём творчестве. Жаль, что ни разу ребят не пригласили даже на день города. Они бы и без денег приехали. Ради искусства! Это настоящие патриоты и профессионалы… Сделали мы совместный концерт на районе в 2015 году, заметьте, бесплатный. Однако идея наша у местных культ…торгов не прижилась. Странные вообще-то люди, пребывающие у нас в огороде в этих культурах: редиска, лук-дурачок, редька не слаще хрена, чертополох и крапива, лопух и Анютины глазки… Я над ними не перестаю удивляться. Все хорошие начинания под топор, виртуальный, соответственно. Они бы и меня на пенёк положили, последнее время шея зудит как у того монаха, да, видать, руки коротки… Для меня, естественно, настоящий буйноруб приготовлен, на камушке заточенный. И пила двуручная у них имеется с очередью от порога редакции до музея. Очередь такая – за рычагами постоять, когда время придёт. И если этот час когда-нибудь грянет, скажу этим демонам, положив свою выю на тот пенёк берёзовый: «Простите меня, люди добрые. Рубите мою буй-головушку. Не всех, видать, порубали...» Глянет топор на меня с прищуром! Тупо: «Хрясь!» Лишь верёвка с крестом за подсолнухом…

Хочу перечислить ребят участников ансамбля: Михаил Петрунькин (рук.), Алексей Мартынов, Олег Евдокимов, Валерий Юсов и две солистки – Наталья Митина и Наталья Мартынова. Солистки с голосами оперных див! Кстати, все члены группы пишут классную музыку и стихи. Одним словом, настоящие самородки и таланты земли русской. Валерий Юсов, безусловно, выделяется на этом фоне, и все члены группы признают данный факт. Какую музыку написал он к моему тексту «Штык»! Это надо слышать и видеть. Берлиоз!

Только не булгаковский, а Гектор – композитор. Если с Мартыновым Алексеем Ивановичем мы ещё иногда пересекаемся, то остальных ребят давным-давно не видел.

Познакомились мы в тех же 90-х! Ехали вместе с одного мероприятия, то ли казачьего круга, то ли концерта. У меня была книжка с собой, книжка всё та же – «Где-то там, за грозой…». Ребята её полистали, почитали немного и сказали: «Споёмся». Так мы и спелись: «Песня о Лебедяни», «Штык», «Шинель», «Крест», «Ямщик». «Баня» и т. д. И если автор первой песни Олег Евдокимов тяготел к русской народной музыке, к есенинскому стилю и работал в этом ключе, то авторы «Ямщика» Валерий Юсов и Михаил Петрунькин был проводниками русского романса. «Ямщик» в исполнении Михаила говорит о многом: будто ты на облучке прикорнул, а тут волки за оврагом завели свой хоровод. И что делать вознице? Остаётся одно – уповать на Бога и лошадок… «Эффект присутствия», – так сказали бы специалисты. Кстати, Олег Евдокимов в группе отвечал за вокал и баян. И я вам скажу, искатели музыки, не в каждом голубом глазу можно найти такой голос. Про баян и говорить нечего, он с ним родился. Настолько виртуозен и заборист его стиль игры.

Весь репертуар «Казачьего разъезда» несёт в себе смысловой вес и вкус. Лицо хорошей песни – это текст! Тут я говорю не только о своих стихотворениях, но и о словах других авторов. Опять же, как говорилось выше, парни и сами пишут отличные строки, спетые ими с отороченных сцен.

Об Алексее Ивановиче Мартынове особый разговор. По сути, весь ансамбль, долгие годы, держится только на нём. Он мотор и вечный двигатель этого проекта. Ему уже восьмой десяток, а он продолжает играть и петь во славу народа. И не просто играть, а играть рок! Мои «Крест» и «Шинель» тому подтверждение. С начала семидесятых и до сего времени – это вам, ребята, не фунт изюма… Настоящая преданность искусству! Настоящий Deep Purple русского созыва… Именно он был тем человеком, взявшим в руки ничем не примечательный сборник «Где-то там, за грозой…». Не примечательный снаружи, но не внутри. В нём – море и звёзды, конники с железками и девушка-осень. И гроза! Гроза над маковками колоколен, притулившимися по-над косогорами. У каждого, видать, она своя, а надо мной и по сей день громыхает!

Я тут выше писал, что в проекте есть ещё одна публицистическая робота – про берёзовую рощу. Однако решил не браться. Думаю, мой друг Юрка Калачёв на меня не обидится. Тем более, в очерке «Орлёнок» я его вспомянул. Ну чего я могу об этом участке суши хорошего написать на сегодняшний день? Хорошее, получается, всё в прошлом. Рощи просто нет! Она уничтожена руками человеческими в борьбе за…? Нет, не существование, а утверждение. О чём писать: о немецких могилах и о пеньках берёзовых. В стихах у меня они есть, а самой рощи – давно нет! Хотел пойти на местность, сориентироваться, найти нужные исходные точки для применения своих мыслей, а сейчас решил не ходить. Одно расстройство и безнадёга: роща, святой источник в с. Шовское, осквернённый и спущенный, вековые тополя около «кинотеатра», вырубленные под корень, сцена на кресте и безо всякого упоминания, Дон-Батюшка в шрамах и пощёчинах.

Мир перевернулся, как тот хот-дог. Ямб бьёт хорей, а топор сечёт солому… Или я от жизни отстал, или не те книжки читал? Нет! Те самые! Как стоял я на рельсах русских, как прыгал я по шпалам российским, так стою и прыгаю. Прошёл я своим литературным путём прямо и честно. Сам по себе! Воля дороже всего будет. Вестимо, я не святой, но в своих произведениях всегда был честен с читателями и прям. Выворачивался на испод, как и мои учителя в своё время. Пушкиным мне не стать и Булгаковым тоже, однако кое-что толкового написал. Поэмы, балладу «Скит», пару басен и очерков, пяток стихотворений, думаю, можно занести мне в актив. И даже это не главное, главное то, что ты можешь сказать всяким «тётям» и «дядям», этим хозяевам тайги и болот: «Господа, ещё не вечер!» И подкрепить словами классика: «…к нам едет ревизор». А всё началось тогда в девяностых, во времена «лихие», но менее подлые. Ниже приведён ключевой текст из первого, того самого сборника «Где-то там, за грозой…». Посмотрите на год, достославные читальмены: ничего не изменилось. Рельсы всё те же, и грабли тоже.

***

Эх! Древляне, поляне,
Кто опять виноват?
Вас не манит, славяне,
Златокудрый Царьград.
Долго мы созерцали
Забубённых вождей.
Вместо них просияли
Обелиски церквей.
О, великие россы,
Время высушит слёзы,
И лихой московит
Всё равно водрузит
На златые утёсы
Измочаленный щит!

1991

декабрь 2024

Член Союза писателей России – Аркадий Польшин

19 марта 2016 г.
г. Лебедянь,
ДК пос. Машзавода
КОНЦЕРТ
Аркадий Польшин
и
группа "Казачий разъезд"
начало: 17-00
вход свободный